

Ленинизм — вечно живой источник революционной мысли и революционного действия. Имя Ленина стало символом нового мира.

Из Тезисов ЦК КПСС «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции».

№ 22 НОЯБРЬ 1967

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СМЕНА

Пятьдесят лет назад во тьме капиталистического мира вспыхнул факел Октября. Российский пролетариат под руководством Ленина и партии коммунистов совершил невиданный в истории человечества подвиг.

Этот подвиг бессмертен.

Будут проходить годы и столетия, но никогда не забудется суровая осенняя ночь 1917 года, ставшая поворотным пунктом в жизни человечества. Октябрьская революция проложила пути, по которым двинулись другие народы.

«...Этот опыт не забудется,— писал Владимир Ильич Ленин.— Этого опыта, что бы ни было, как бы тяжелы ни были перипетии русской революции и международной социалистической революции, этого опыта отнять нельзя. Он вошел в историю, как завоевание социализма, и на этом опыте будущая международная революция будет строить свое социалистическое здание».

Было все. Голод. Кольцо интервенции. Были враги, которые злобно брюзжали, шли на молодую Республику Советов с оружием наперевес. Но были и друзья. И их было гораздо больше, друзья страны, занимающие одну шестую часть земли. Они верили нам, потому что знали: Октябрь — это надежда.

И Октябрь оправдал их надежды. Мировая система социализма занимает ныне четвертую часть земли, где живет треть человечества. Октябрь положил начало крушению колониализма.

Уже не призрак, а реальный облик коммунизма увидели люди шестидесятих годов нашего столетия. И даже самые реакционные буржуазные газеты, которые полвека назад кричали о близком крахе Советской власти, признают теперь силу и мощь, мировой авторитет Советского Союза. Неизмеримо выросло за 50 лет количество наших друзей, понимающих величайшее значение Октября, который открыл для человечества новую эпоху.

Сегодня «Смена» предлагает своим читателям подборку высказываний о нашей стране зарубежных газет и видных политических деятелей, писателей, борцов за мир, публицистов и простых людей разных стран.

Строки эти, написанные людьми разных взглядов, убеждений, возрастов, строки, написанные в самых разных уголках земли и в разное время, позволяют взглянуть со стороны на нашу страну, ставшую несокрушимым оплотом тех, кто в XX веке борется за лучшее завтра всего человечества.

Марксизм-ленинизм стал властителем дум сотен миллионов людей на земле, коммунистическое движение превратилось в самую влиятельную политическую силу современности. Все это — результат исторического развития, началом которого явилась Великая Октябрьская социалистическая революция.

Из Тезисов ЦК КПСС «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции»

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ АНРИ БАРБОСА НА МИТИНГЕ, ОРГАНИЗОВАННОМ ПРОФСОЮЗОМ ЗЕМЛЕКОПОВ В ПАРИЖЕ.

Впервые в истории подлинно социалистический строй возник и утвердился на земле... Опыт, подобный русскому, очень важен. Он реализуется, неизбежно оказывая свое воздействие на все. Революционные правительства отлично осознают это, вот почему они стремятся любой ценой ликвидировать этот опыт и с этой целью готовы обречь Россию на гибель. Они пытаются убить свободу, чтобы доказать ее «нежизнеспособность»...

Нужно действовать... Не будьте равнодушными свидетелями величайшего преступления, которое когда-либо знала история.

Октябрь 1919 года.

ИЗ ОБЪЯВЛЕНИЯ В АВСТРИИ О СОБРАНИЯХ ПО ВЫБОРУ ДЕЛЕГАТОВ ДЛЯ ПОЕЗДКИ В СССР.

Молодой рабочий, ты работаешь 10 часов в день, получаешь гроши, ты бесправен. Хочешь узнать, как бороться за лучшее, пошли своих делегатов на конференцию, выбирающую делегатов в СССР, пошли по приезде тебе расскажут, как добиться 4—6 часов рабочего дня и других привилегий русские молодые рабочие.

Пут буржуазные газеты об утесах в СССР. Рабочему так известен много людей, чем в наших «демократических» странах. Хотите убедиться в этом, приходи участвовать в выборах делегатов в СССР, которые по приезде расскажут тебе правду о пролетарском государстве.

1925 год.

ДЖОРДЖ БЕРНАД ШОУ.

Вы не должны думать, что значение Ленина — дело прошлого, потому что Ленин умер. Мы должны думать о будущем, о значении Ленина для будущего, и значение его для будущего таково, что если опыт, который Ленин преобрел — опыт социализма — не добьется, то современная цивилизация погибнет, как уже много цивилизация погибла в прошлом. Если будущее с Лениным, то мы все можем это работать.

1931 год.

ГИБСОН ДЖАВИ, ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ПРАВЛЕНИЯ АНГЛИЙСКОГО БАНКА «НОУНТЕД ДОМИНИОН», О ПОСЕЩЕНИИ СССР:

Я хочу разъяснить, что я не коммунист и не большевик, — определенный капиталист и индивидуалист... Россия движется вперед, в то время, как слишком много наших заводств бездействует и примерно 7 млн. нашего народа ищет в отчаянии работы. Пятнадцать высловов и предсказаний ее провала. Но вы можете считать несомненным, что в условиях пятнадцатого плана сделано больше, чем намечалось... Не пытайтесь недооценивать русских планов и не делайте ошибки, надеясь, что Советское правительство может провалиться... Современная Россия — страна с душой и идеалом. Россия — страна изумительной активности... Быть может, самое важное — а том, что вся молодежь и рабочие в СССР имеют одну вещь, которой, к сожалению, недостает сегодня в капиталистических странах, а именно — надежду.

Октябрь 1932 года.

ОТВЕТ МЕКСИКАНСКОГО ПИСАТЕЛЯ ХОСЕ МАНСИДОР-И-ОРТИГА НА АНКЕТУ К ПЕРВОМУ СЪЕЗДУ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ «Я СЛУЖУ ДЕЛУ ИСТИНЫ, ЗАЩИЩАЮ СССР».

Существование и успех Советского Союза сыграли громадную роль как в моей нынешней позиции, так и в моей литературной деятельности. С юных лет, как рядовой боец, и принимая участие в мексиканской революции, но только Октябрьская революция пополнила в жизнь все мои стремления и мои мечты.

Наша революция стояла на пути сотнями тысяч рабочих и крестьян, но в конечном счете она была раздвинута в порог Уолл-стрит. Поэтому мы должны оберегать его, чего бы это ни стоило. Это плоть от нашей плоти... Оттуда к нам идет свет и уверенность. Все, что вне его, — это голод, разорение, нищета, мрак, гниение.

18 марта 1934 года.

ПОЛЬ ВАЙАН-КУРЬЕ, «СССР — ИОНУС МИРА».

Ободрите себе мораль, всецело устремленную и заново юность будущего, молодежи — подлинного хозяина своей судьбы, молодежи, которая живет, любит и строит.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Год издания
сорок четвертый
Выходит два раза
в месяц

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

НОЯБРЬ

22 (1934)

О К Т Я Б Р Ъ Г Л А З А М И Ч Е Л О В Е Ч Е С Т В А

Вообразите себе нового человека. Вообразите себе страну с территорией в сорок раз больше Франции, где с одного конца до другого раздается непрерывная пружина поступить на работу.

1934 год.

РОМЕН РОЛЛАН О СТАХАНОВСКОМ ДВИЖЕНИИ.

Это, очевидно, колоссальное пробуждение человеческого сознания в области труда. Оно возможно только в настоящем социалистическом обществе, где рабочий чувствует себя хозяином, а не эксплуатируемым, где он работает не для обогащения враждебного ему класса, а забота которого извлечь из рабочего наибольшую выгоду, а для всего общества, где рабочий по праву занимает первое место. Это чувство достоинства и гордости действительно захватывающее!

1935 год.

ГЕОРГИЙ ДИМТОВ.

В самые тяжелые моменты в тюрьме и перед фашистским судом я вспоминал, что, несмотря на все, есть на свете Москва — столица великой страны, страны пролетарской революции, страны пролетарской диктатуры.

1934 год.

СЕРДЦА НАШИ РАДОВАЛИСЬ.

Фред Каупмен, мастер-сталевар, бывший командир английского батальона интернациональной бригады в Испании.

Недавно я вернулся в Англию из Испании. В рядах интернациональной бригады и вместе с другими пролетарскими бойцами против зловещих врагов трудящихся, подлых фашистских интервентов. Вскоре после того, как я возвратился из родины, английские рабочие послали меня в Советский Союз на Октябрьские торжества.

То, что я увидел здесь, превзошло все мои ожидания. Меня поразило величие силы и мощи освобожденного советского народа. Оно превращается во всем: и в грандиозной демонстрации советского народа, и в ярости праздника, и в огромной сплоченности, поразительной дисциплинированности масс.

1938 год.

АНГЛИЙСКИЙ СОЛДАТ О НАПАДЕНИИ ГЕРМАНИИ НА СОВЕТСКИЙ СОЮЗ.

Гитлер посылает свои войска на гибель... немцы будут жалеть, что напали на Россию. Отступление Наполеона из Москвы будет выглядеть как паника в сравнении с тем, что придется испытать германской армии.

5 июля 1941 года.

ИЗ ПИСЬМА ГРУППЫ ИСПАНСКИХ КОМУНИСТОВ, РАБОТАВШИХ НА ХАРЬКОВСКОМ ТРАКТОРНОМ ЗАВОДЕ, ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ КОМУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ИСПАНИИ ХОСЕ ДИАСУ.

— Великая Отечественная война Советского Союза есть продолжение 32-летней борьбы испанского народа с фашизмом. И если в Испании мы умираем советские товарищи, то разве в нынешний момент мы не достойны шести заменить их!

7 июля 1941 года.

ИЗ СООБЩЕНИЯ ГАЗЕТЫ «БОМБЕР КРОНИКЛ» (ИНДИЯ).

...Нападение на такую страну, как Россия, является лишь актом отчаяния. Нет такой силы, которая могла бы сокрушить Красную Армию. Гитлер заложил основы для своего окончательного и решительного поражения.

Июль 1941 года.

ИЗ РЕЧИ РУБЕНА РИУСА ИБАРУРИ НА АНТИФАШИСТСКОМ МИТИНГУ В МОСКВЕ.

Молодежь Европы и Америки! С фронта гигантской борьбы за свободу обращусь я к вам. Здесь, на советской земле, решается сегодня судьба не только молодежи Советского Союза. Здесь решается судьба молодого поколения всего мира!

28 сентября 1941 года.

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ ПО РАДИО.

Нет ни одного честного француза, который не приветствовал бы победу России. В то время как мощь Германии и ее престиж поколеблены, солнце русской славы восходит и зениту. Весь мир убежден в том, что этот 175-миллионный народ достоин называться великим, потому что он умеет сражаться. То есть преодолевает невзгоды и наносит ответные удары.

И общему несчастью, слишком часто на протяжении столетий на пути franco-русского союза встречались помехи или противодействия, порожденные интригами или непониманием. Тем не менее необходимость в таком союзе становится очевидной при каждом новом повороте истории.

20 января 1942 года.

ИЗ ПРИВЕТСТВИЯ II АНТИФАШИСТСКОМУ МИТИНГУ МОЛОДЕЖИ В МОСКВЕ ОТ ВЕТЕРАНОВ БРИГАДЫ АВРААМА ЛИНКОЛНА.

Ветераны бригады Авраама Линкольна, сражавшиеся против Гитлера и Муссолини в Испании, приветствуют мужество и преданность советской молодежи. Мы знаем, что молодежь Красной Армии борется не только в защиту советского народа, но и всего человечества. Мы уверены, что вы одержите победу над фашизмом. Свыше 200 человек нашей бригады служат в американских вооруженных силах и 200 человек на войсках доставляющих материалы нашим союзникам. Мы будем продолжать выполнять свою роль по упитованию гитлеровцев. Шлем вам горячий привет.

Секретарь Ввоц. Июнь 1942 год.

ИЗ ЗАЯВЛЕНИЯ ТОМАСА МАЙНА В СВЯЗИ С ГОДОВЩИНОЙ НАЧАЛА ВОЙНЫ.

— Шесть или восемь миллионов человек сражаются там, на огромном русском фронте. Это величайший фронт борьбы, который когда-либо видел мир. Мы здесь, в Америке, знаем, что если тот фронт победит, русских бойцов будут замочить наши самолеты, наши братья и сестры, наша собственная плоть и кровь. К армии, которую мы создаем уже сейчас, придется прибавить еще шесть миллионов американцев. Только подумайте, что это значило бы для Америки! Эти люди умирают за нас. Это такая страшная правда, что болеть хочется о ней. Чем заслужил мы такие жертвы? Стало ли вспомнить всю ложь о России, которой снабжала нас наша пресса.

Июль 1942 года.

ИЗ ПРИВЕТСТВИЯ АМЕРИКАНСКОГО ПИСАТЕЛЯ ТЕОДОРА ДРАЙЗЕРА СОВЕТСКОМУ НАРОДУ ПО СЛУЧАЮ 22-Я ГОДОВЩИНЫ ОКТЯБРЯ.

История видела многие нации, которые поднимались и падали. Но ни в одной другой стране не были вымучены столь замечательные планы и не были достигнуты столь блестящие успехи, как в Советском Союзе. Наконец-то я дошел до того, что вижу нацию, которую стремятся и создание гуманного организованного и мирного общества и готовы умереть за него.

Ноябрь 1942 года.

ИЗ КНИГИ АНГЛИЙСКОГО ЖУРНАЛИСТА РИЧАРДА СКВЯРСА «ДОРОГА ВОЙНЫ».

Весть о Сталинграде была первой вестью, знаменующей решительную победу над фашистской Германией. Мы понимали, что герои Сталинграда борются не только за Россию, но и за всю Европу, стонущую под игом нацизма, и за нас, англичан!

ИЗ ПРИВЕТСТВИЯ ЧАРЛЗА ЧАПЛИНА ПО СЛУЧАЮ 25-ЛЕТИЯ КРАСНОЙ АРМИИ.

Россия, ты завоевала восхождение всего мира. Твои герои погибли недаром. В грядущие жаркие дни из слез и крови нашей выростает будущая слава Советской республики, так как эта слава — результат этой же решимости и боевого духа, которые вы сейчас проявляете. Ничто не может остановить ваше наступление.

— Русские, будущее ваше!

Февраль 1943 года.

У. ЧЕРЧИЛЛЬ. ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ НА ЗАСЕДАНИИ КОНГРЕССА США.

Нам нечего говорить, что главное бремя сухопутной войны выносят русские армия. Они удерживают в настоящее время на своем фронте не менее 100 германских дивизий. 28 миллионов русских солдат. Этого количества германских войск, находяющихся в России, мы можем противопоставить примерно 25 дивизиям, уничтоженных нами в Тулузе. Это дает нам представление об успехах русских и о том, в какой долгой мы находимся перед Россией.

Май 1943 года.

ИЗ ПРИВЕТСТВИЯ АЛЬБЕРТА ЭЙНШТЕЙНА КРАСНОЙ АРМИИ.

С огромным уважением и восхищением посылаю свои искренние поздравления по случаю 25-летней годовщины Красной Армии и Флота, которые столь успешно защищают изумительные достижения советской культуры и цивилизации, в которых и которые угрожают смертельному угрозу будущему развитию человеческого прогресса.

6 февраля 1943 года.

ИЗ ПИСЬМА ПАРИЖАН МОСКВИЧАМ.

Французский народ никогда не забудет, что Красная Армия уничтожает германскую армию благодаря героическому сопротивлению москвичей в тяжелые дни 1941 года. Спасибо Москве.

Лето 1942 года.

ПИСЬМО СЕКРЕТАРЯ МОЛОДЕЖНОЙ КОМИССИИ НАРОДНОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАРТИИ ЯМАЙКИ (ВЕСТ-ИНДИЯ) РИЧАРДА ХАРТА В АНТИФАШИСТСКИЙ КОМИТЕТ СОВЕТСКОЙ МОЛОДЕЖИ.

Как ни мала моя страна, как ни далека она от васшей и как ни неизвестна, я полагаю, имеет значение ее роль в мировых делах, это не является предметом и тому, чтобы написать вам и выпразить мои восхищение и любовь к молодежи СССР.

Мой народ теменкойной. Мы потрени рабов. Мы еще не завоевали политической независимости. Но много из нас с любопытством изучают, что произошло в вашей великой социалистической стране, и мы знаем, что это делают для наших народов, живущих в наших восточных и южных районах. Мы надеемся, что наступит день, когда мы сможем правду на счастье и расцвете, подобно вашему Советскому Узбекистану. Мы хорошо знаем, что если ваше государство не будет жить и жить не будет разгромлен, нет надежды на место под солнцем и для такого народа, как наш. Но мы также знаем, что вы победите, мы вернем в победу.

С братским приветом Ричард Харт.

13 июня 1942 года.

ИЗ БЕСЕДЫ ЭНИРКО БЕРЛИНГУЭРА, ГЕНЕРАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ «ФРОНТА МОЛОДЕЖИ ИТАЛИИ», С КОРРЕСПОНДЕНТОМ ГАЗЕТЫ «КОМСОМЛЬСКАЯ ПРАВДА».

Многих замечательных вещей можно достичь молодежи, освобожденной от цепи капитализма. На юные подруги она способна, также вполне определенно — это мыслит себя является у меня всегда, когда я читаю известия о военных делах юной и духовной Советского Союза. Это сочетание с собой силой охватывало меня всегда, когда я узнаю о военных наградах, которые удостоены комсомольцами и комсомолками, которые являются героями Италии с восхищением следуют за комсомолом, пример комсомолов и комсомолок в национальную независимость нации и страны за свободу и демократию.

Ноябрь 1948 года.

ВПЕЧАТЛЕНИЕ РАЙМОНДЫ ДЕН [ФРАНЦИЯ] ОТ ПОЕЗДКИ В СОВЕТСКИЙ СОЮЗ.

Я провела в Москве только три дня, но за этот короткий срок я узнала уже столько нового и интересного. Утром или вечером, оставшаяся на последние часы, я люблю переключаться в рубашки, которые ласково заглядывают в окна моей комнаты, и чувствую себя бесконечно счастливой.

Она, и очень счастлива. Счастлива тем, что нахожусь в Москве, живу одной женщиной и дышу одним воздухом с советским народом. И об этом народом — счастливое ощущение, которое милое, которое мне знакомо, и даже самый горячий, самый сердечный привет от имени молодых французских борцов за мир.

1 мая 1951 года.

ИЗ БЕСЕДЫ С МАГНЕ МОРТЕНСЕНОМ, РУКОВОДИТЕЛЕМ ДЕЛЕГАЦИИ МОЛОДЕЖИ НОРВЕГИИ.

Черты нового мира бросились нам в глаза, едва мы вступили на советскую землю. Это было в Ленинграде. На одном из бульваров мы увидели двухцветные, читающих книги. Мы разговаривали с ними и узнали, что они читают одним из высших учебных заведений Ленинграда.

Для нас это привычно и знакомо, это вошло в нашу жизнь как нечто само собой разумеющееся. Но пострадает ли понимание удивления и восторг членов нашей делегации, которые могли сравнить это с малой изюминкой северной Норвегии. Представители народов Севера, живущие в Норвегии, не имеют ни школ, ни учителей, ни даже своей письменности. Обозначенные, обозначенные на картах, вынуждены они могут лишь мечтать о той жизни, которой живут народы Советского Союза.

29 июня 1951 года.

ИЗ СТАТЬИ ТУРЕЦКОГО ПОЭТА НАЗЫМА ХИКМЕТА «ЕСТЬ ТАКАЯ СТРАНА».

Это молодежи, уверенная в том, что все мечты осуществляются. Это свободная, счастливая, полная все светлая и полная. Мы процветаем и знаем о героических подвигах, и самый факт существования такой молодежи — одно из наиболее ярких и замечательных достижений советского государственного строя. Это молодежи, какой не знал до сих пор мир, молодежи, строящая не-

днее еще общество, о котором мечтали лучшие умы человечества — коммунизм.

Январь 1952 года.

АЛЕМАРО КАПЕЛЛИ, ПРОФЕССОР, ИТАЛИЯ.

Мне кажется, что революция, прошедшая в России, перевернула так же весь огромный мир человека. И это главное. Каждый советский человек стремится сделать что-то новое, познать то, что ему неизвестно.

1957 год.

АМЕР МОХАМЕД АМЕР, ЕГИПЕТСКИЙ КРЕСТЬЯНИН.

Да, русские люди, вы правы нас, трудовые люди, нельзя мир врозь. Наверши сам по себе. Надо объединиться для общей защиты мира. Когда в 1956 году французские, английские и израильские империалисты напали на Египет, Советский Союз встал на защиту справедливости и мира, и империалисты быстро подали хвост. Значит, миролюбивым людям надо всегда дергаться ввекте.

Русские, я доволен вами!

1957 год.

ИЗ СТАТЬИ АНДРЭ ВЮРСЕРА «ВЕКИ НАШЕЙ ЖИЗНИ».

«Парижская коммуна штурмовала «небеса», Октябрь опустил идею с небес на землю, составилась доктрина с реальностью.

Седьмого ноября началось все и новое время и становление нового человека. Седьмого ноября — сознавал я это тогда или нет — было подлинной датой моего рождения.

6 ноября 1957 года.

ПРОФЕССОР ЗЕНЕР, ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦИАЦИИ АСТРОНАВТОВ (ФРГ).

Это фантастично, авеалошно! Необыкновенный успех! Пионер космоса не имеет себе числа равного. Это успех величайшей важности для всего человечества, успех, которым мы обязаны советской людям.

Апрель 1961 года.

ВУ КУАНГ, ПЕРВЫЙ СЕКРЕТАРЬ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА СОЮЗА ТРУДЯЩИХ МОЛОДЕЖИ ВЬЕТНАМА.

Молодое советское поколение живет в поистине замечательное время. Продолжая бессмертные героические традиции первых комсомольцев, завоевания и защитивших молодую Советскую власть в первые годы революции, поняв о боевом духе и готовности идти на самые трудные участки борьбы, совершенствуя образование, закладывая основы для возмужавших новые промышленные предприятия в годы первых пятилеток, денсинский комсомолец мобилизовал сотни тысяч представителей молодежи на освоение целинных земель, новых районов страны, на участие в гигантских ностройках саммента и добился блестящих успехов во всех областях своей деятельности. В этих великих начинаниях в результате воспитательной работы комсомола представители молодежи становятся решительными и настоятельными борцами за коммунизм, овладевают наукой в труде.

Великие достижения советской молодежи являются гордостью и мужеч вдохновляющей силой для вьетнамской молодежи и молодежи всего мира.

1962 год.

ИЗ КНИГИ АЛЛАНА СЛИЛТОУ «ДОРГА НА ВОЛГОГРАД».

ВОЛГОГРАД

Мне хорошо в Волгограде, я мог бы жить здесь ввеквци. Здесь обосновалось много молодежи, она стелкалась сюда со всех концов страны, чтобы участвовать в небыстром в истории воссоздания города. На завалках гроток и жары, но там, где люди живут, воздух чистый свежий, будто здесь, на берегу великой русской реки, самая лучшая на свете климат.

БРАТСК

В Братске говорят: «Здесь мы ставим дома», или: «Мы пускаем новый завод», или «Мы построили плотину». А в Англии всегда слышались только: «Говорят, в будущем году они собираются строить муниципальные дома». Если бы в Братске радио сообщало: «Здесь мы ставим дома», или «Здесь мы пускаем новый завод», или «Мы построили плотину», или «Мы открываем станцию» или «Они опять строят новые котельни». В Советском Союзе я ни разу не слышал, чтобы какой-нибудь человек все это делал, и хотел бы написать, заместитель председателя горсовета, борется в спортивном зале Братска, водит такси, студент, работает, вынашивает своих детей, или даже в помещении элентротстанци в Волгине. Настоятельно я знаю русский язык, чтобы уловить разницу между «мы» и «они», «наш» и «их».

1963 год.

ЛЕ ФЫОНГ, ЧЛЕН ЦК ФЕДЕРАЦИИ МОЛОДЕЖИ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ ЮЖНОГО ВЬЕТНАМА.

Бурная деятельность советской молодежи в поддержке Вьетнама еще раз подтверждает то большой интерес, с которым она относится к нашей борьбе, демонстрирует боевую солидарность и тесную дружбу между молодежью Советского Союза и Вьетнама.

1966 год.

ХЕСУС ФАРИА, ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ КОМУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ВЕНЕСУЭЛЫ.

Мы знаем о советской комсомолки. Мы знаем, что это организация рождения для борьбы и победы. Мы процветаем и знаем о героических подвигах, которые совершали молодые коммунисты в защиту своей Родины. Мы знаем, что комсомолец ставит перед собой выполнение самых трудных задач. Мы знаем о достижениях советской молодежи в области экономи-

ки, культуры, образования. Вы совершили и совершаете чудеса! Все то, что вы сделали, вдохновляет молодежь всего мира!

1966 год.

РОДОЛЬФО МЕКИНИ, ПРЕЗИДЕНТ ВСЕМИРНОЙ ФЕДЕРАЦИИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ.

Мы счастливы обратиться к космоюлу, ибо обращаемся к молодежной организации, которая не только имеет прекрасную и славленную историю, но и которой присущи исключительные качества.

История космоюла является органической частью истории великой страны, ее преобразований, ее свершений под знаком социалистического гуманизма.

Май 1966 года.

КАРЛОС ДЕ АНЖЕЛИ, ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ВСЕМИРНОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПРОФСОЮЗОВ.

Октябрьская революция явилась конкретным выражением идеалов и чаяний рабочего класса. Сразу после Великого Октября 1917 года рабочие советы и их профсоюзы встали на сторону молодого социалистического государства. Победив, одержав победу социализма, изменили свой статус и встали на международную арену. Лидируя вперед и слушаясь одного класса друзей, Великая Октябрьская социалистическая революция не только привнесла и распустила весь возможный чужбин.

1967 год.

АЛЕКСАНДР БОНДАРЬ (КАНАДА).

Я оставил Родину в 1912 году... 50 лет, прожитые мной на чужбине... это тоже борьба за свободу, за права рабочих, за жизнь.

Серджи СЕРРЕ

Октябрь и молодежь мира... В статье, написанной для «Смены», член Центрального Комитета Итальянской коммунистической партии С. Серре, высказываясь на эту важную тему, говорит о влиянии идей Октября на молодежь Италии.

Почему молодежь сегодняшней Италии так охотно читает статьи на страницах газет и в оборотах еженедельных журналов. Большая часть печати не может или не хочет ответить на этот вопрос, что, по существу, одно и то же. Причина этого даже школьного ясна. Она заключается в том, что протесты и недовольство молодежи все чаще задают основу основ капиталистического общества. Конечно, прошло более 30 лет с тех пор, когда Антонио Грамши, основатель Итальянской коммунистической партии, писал в одном из своих торжественных писем: «Я начал трудиться, когда мне было 11 лет, зарабатывая целых 9 лир в месяц (это в конце концов обозначало около килограмма хлеба в день), работая по шесть часов в день, включая и утро воскресенья. Я должен был таскать регистрационные книги, которые весили больше меня, и часто по ночам я украдкой плакал, потому что у меня больше всего телос. С тех пор прошло 30 лет, и все же должны были быть по-прежнему идти работать в годы, когда бы ни думать только о школе да об играх, оставаясь острой проблемой, по крайней мере в Южной Италии. Недавно один еженедельник опубликовал фотоматериал, посвященный этим детям. Поминисте мороз по коже пробегает, когда смотришь на лица, которые должны были быть по-детски счастливыми, а на них уже следы старческих морщин.

Но это только одна сторона дела. Другая — менее серьезная — состоит в том, что десятилетиями поиски молодых людей занимаются отчаянными поисками своего первого в жизни места работы. И часто заглянуть — лишь печальное подтверждение — между одной закрытой дверью и другой. Я уже не говорю о том, что часто молодежь вынужде-

на покидать свои дома и семьи и отправляться за границу в поисках работы, которой она не могла найти у себя на родине. Причины для недовольства очень много. Но одно обстоятельство делало этот «убегит» молодежи против капиталистического общества единым и острым. «Молодежь», — подчеркивал Генеральный секретарь ИКП Луиджи Лонго, обращаясь к космоюлам Милана — не хочет быть «женушеной и оскорбленной», как герои Достоевского. Поэтому она вступает в конфликт с обществом, которое унижает и оскорбляет ее и которое не может дать ей ни идеалов, ни жизненной морали, ни надежды, ни перспективы. Оно умеет только проубедить в человеке самые низкие инстинкты и пропагандировать ниспровержение всех истинных ценностей.»

Становится понятным, почему издавал известный итальянский буржуазный журналист писал в одном из крупных еженедельников: «Я твердо убежден, что если мы хотим спасти нашу молодежь, мы должны обратиться к инту. Конечно, нужно избегать трагедий: никогда нельзя допускать слишком продолжительного периода, чтобы не подвергнуть опасностям жизнь осужденного». Там, значить, капиталистическое общество в качестве перспективы предлагает возвращение к средневековым методам. И если случайно именно этот журналист прославлял американскую агрессию против вьетнамского народа. Оба момента сливаются воедино: инту против концлагеря и девушек, которых шло провозглашение 50-го годовщины Великой Октябрьской революции, что по пути демократического и социалистического обновления, бомбардировки в Италии, и борьба за собственную свободу и независимость. Совершенно закономерно, что мо-

Меня радуют самые юные мои советские земляки. Они умны и грамотны. О чудесных жонках гражданах Страны Советов я рассказываю русским нацидам.

1967 год.

ИЗ СТАТЫ ДАЙРОСА КАРТЕРА «50 ЛЕТ, КОТОРЫЕ ПРОБЕЖАЛИ МИР».

50 лет назад выстрел «Арморов» возвестил о начале революционных перемен в духовной жизни общества. Советский народ сумел революционизировать культуру и жизнь человечества благодаря тому, что он перестроил социальный фундамент, на котором зиждется культура. Эта перестройка стала возможной потому, что в власти пришел рабочий класс. И теперь весь мир видит, как люди, создавшие все материальные блага общества, преобразуют в творческой деятельности в тысячах мастерских культуры.

1967 год.

ГАНС ПАЙСЕЛЬ, ЧЛЕН ИСПОЛКОМА СОЮЗА СВОБОДНОЙ АВСТРИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ.

С огромным восхищением следим мы за успехами Страны Советов, ваши достижения — лучшая агитация за социализм.

Август 1967 года.

ИЗ КНИГИ ОТЗЫВОВ ПОСЕТИТЕЛЕЙ СОВЕТСКОГО ПАВИЛЬОНА НА ВСЕМИРНОЙ ВЫСТАВКЕ «ЭКСПО-67».

«Шляхи долгой — русские поразили весь мир своими достижениями! Поздравляю вас!»

Д. В. Сирен, г. Квебек, 1967 год.

Публикацию подготовили В. ШМИТКОВ, Ю. СТРИКОВ

...и не только коммунистическая, но и коммунистическая, социалистическая и беспартийная, чувствует теснейшую связь, существующую в Италии между борьбой за демократическое и социалистическое обновление и борьбой за мир, против агрессии и военной политики империализма. Не случайно также, что именно молодежи стоит в первых рядах народной борьбы, крупнейших уличных манифестаций. Это значит, что они хотят быть свободными, «понять причину железных контрастов современной жизни», как писал Грамши, и бороться за создание общества, отличающегося от нынешнего. «Граммши и Толкати», — говорил Луиджи Лонго в речи, обращенной к молодежи Милана, — учили нас быть людьми открытыми и свободными, а не роботами, механическими исполнителями формул и готовых фраз». Только коммунисты умеют и могут говорить на этом языке с молодежью. Другие партии, другие политические силы могут лишь просить терпения и понимания, так как они хотят законсервировать вещи и общество, а не изменить их. Но, таким образом, они вступают в конфликт с той молодежью, которая разделяет эти идеи и которая не желает быть ни пассивной, ни примирившейся. Она все чаще и чаще идет контактов с коммунистической молодежью, особенно когда речь заходит о серьезных проблемах, стоящих сегодня перед Италией и перед миром.

Здесь, в памятных дебатах и борьбе, характеризующей итальянский молодежный мир, раскрывается широта прозрения 50-го годовщины Великой Октябрьской революции, этого великого поворота в истории человечества. Один из важных элементов этого чествования — лекция, выставки, дебаты, «круглые столы, шествия» — состоит в том, чтобы широко познакомить молодое поколение с достижениями партии Ленина и советского народа за эти пять десятилетий, рассказать о вкладе, который внесли они для победы над фашизмом и нацизмом, о борьбе Советского Союза за мир, за укрепление и последовательную международную политику. Речь об этом идет в теснейшей связи между проблемами сегодняшнего и будущего, переплетаясь с интенсивными действиями молодых коммунистов, направленными на завоевание молодого поколения на сторону великих освободительных идеалов социализма и антиимпериалистической борьбы. «Из этой Италии мы хотим сделать молодую и современную страну», — говорил Луиджи Лонго, обращаясь к юношам и девушкам. — Поэтому мы должны иметь молодежь рядом с нами. Поэтому мы должны завоевать ее на свою сторону, привести ее к идеалам свободы и прогресса, которая вступит в борьбу за создание той Италии, которой тогда должна будет руководить сегодняшняя молодежь.»

Празднование 50-летия Октября является важным моментом в этих действиях, позволяет все больше укрепить дружбу, которая связывает итальянскую и советскую молодежь. Валентина Николаева-Герасимова, которая недавно посетила нашу страну, может подтвердить, что эти связи являются связями любви и восхищения. Вне всякого сомнения, советская молодежь не могла послать и нам лучшего и более достойного послания. «В тридцать два года Валентина» писала одна газета, — соединила прошлое, настоящее и будущее Советского Союза. И я хочу добавить, что с этии прошлым, настоящим и будущим связаны надежды Земли — надежды мира, общественного прогресса и развития человечества. И с этой надеждой, скорее, с этой волей молодого итальянца празднующего 50-летие Великой Октября.

**ЗА НАРВСКОЙ ЗАСТАВОЙ
С 1801 ГОДА СТОИТ БЫВШИЙ
ПУТИЛОВСКИЙ, НЫНЕ
КИРОВСКИЙ ЗАВОД.**

**ЗА НАРВСКОЙ ЗАСТАВОЙ—
ПРОСПЕКТ СТАЧЕК.**

**ЗА НАРВСКОЙ ЗАСТАВОЙ—
КОлыбель РОССИЙСКОГО
ПРОЛЕТАРИАТА.**

А. КАНЕВСКИЙ

Фото М. МУРАЗОВА

ВЕТЕРАНЫ

Наступил рассвет, когда мимо Триумфальной арки на Нарвскую заставу прошел усталый отряд рабочих-бойцов. Рассвет над Петроградом и над Россией — ночью пал Зимний.

Отряд миновал речку Таракановку, челхуло, неприглядную как названием, так и видом. На ее берегах трагически прозарили люди, оубраченные полом Гапоном — проповедником фальшивого пути ко всеобщему благоденствию. Затем отряд зашагал по Петроградскому шоссе, вдоль художесных отгородов, где в кровавые воскресенье ухриались от пуль те, кто пошел с крестным ходом. И, наконец, отряд приблизился к заводу—к родному дому, куда доставил весть о свершившейся революции.

...Завком принял решение поздравить с победой Ленина. Через день

тринадцать путиловцев отправились в Смольный.

Третий этаж революционного штаба. Солдаты в обмотках, матросы в португезах из пулеметных лент. Часовой у двери.

— Передайте, что пришла делегация с письмом путиловских рабочих. Прошло несколько минут, и Ленин сам распахнул дверь:

— Товарищи путиловцы, прошу, проходите, пожалуйста.

Почти полчаса беседовали рабочие с вождем. Стенограмма не велась, и восстановить разговор полностью трудно. Но последние слова Ленина запомнили все, их потом сотни раз повторяли на заводе.

Ильич просил передать всем путиловцам искренний привет и сказать, что революция завоевана навеной!

С тех пор все, решительно все переименовано за Нарвской заставой. Таракановку зысалили. Вместо отгородов—жилые кварталы Кировского

завода. Сквер носит название «9-го января», теперь его окружает чугунная чудо-решетка. В сквере—старик и дети. Полвека назад старик перелезали через эту решетку с оружием в руках—она была дворянской решеткой Зимнего. Их правнука лобыз расканиваться на больших чугунных перелетах.

Старый рабочий, путиловец с 1903 года, Михаил Константинович Константинов ходил на штурм Зимнего и был в числе тех тринадцати, которые поздравляли Ильича. Среднего роста седой человек, не выходящий и не обрюзгий к старости. С твердой рукой, крепким голосом.

Судьба предоставляла ему несколько совершенно конкретных возможностей погибнуть в бою и сделать ла, казалос, все, чтобы наградить к шестидесяти годам, немалочисным недугом. Однако он бодр и в свои

У Михаила Константиновича Константинова (слева) и Михаила Гавриловича Алексеева пожизненные пропуска на завод.

семьдесят шесть. Я уже не впервые встречаю людей, которые в молодости Тьрпери большие лишения и, по нашим представлениям, не могли бы дожить до пенсионного возраста. Но они живы и деятельны даже в глубокой старости. Вероятно, врач может научно обосновать их жизнестойкость. Я же сделал отчетливое наблюдение: такие люди обычно обладают сильным характером и несокрушимой волей!

Таков Константинов, из таких же людей и Михаил Гаврилович Алексеев, другой ветеран Кировского завода. Последний во всему обладает и могучей физической силой, которая сдерживает его восьмидесять лет. Судьбы этих кадровых рабочих насыщены действиями, некрепко переплетены с главными событиями советской жизни. Например, только «спортивная часть» биографии Алексеева послужила основой целой книги. А ведь французская борьба — ве-

полноником был в молодости Михаил Гаврилович — отнюдь не красная линия его жизни. Алексеев с 1906 года член партии большевиков, революция — вот его призвание.

Завод в жизни рабочих династий Константиновых, Алексеевых — альфа и омега существования. Здесь — друзья, товарищи, дети, внуки. Отсюда — жены, невестки, зятья.

На рассвете XX века пришли на завод два подростка. Спустя десятилетия ходил в детский сад, так Кировцы называли детский сад, устроенный прямо на территории завода в бывшей путиловской Богательне, сын Константинова Анатолий. Дети из когорта воспитывались заводом конкретно — почти каждый день бегали по цехам маленькие книгошники, разносили рабочую литературу.

Демобилизовавшись после трех ранений на фронтах Отечественной войны, Анатолий Константинов сначала пришел на свой завод и только

потом отправился домой. А три дочери Алексеева Ольга, Людмила и Лоса всю войну работали на Кировском револющерами и пережили блокаду.

Брат Константинова Александр — он был уже в летах — в блокаду умер прямо на заводе.

Сами Алексеев и Константинов на склоне лет стали почетными Кировцами. Хотя они не пенкисы, с ними постоянно советуется парторг, их приглашают на многие заводские мероприятия. Да и сами они часто приходят на завод — сюда неудержимо тянет ветеранов.

У них пожизненные пропуска на Кировский. Как ни богато подвигом минуше, больше, чем бывшие их заслуги, вызывает удивление и восхищение сегодняшнее подлинничество этих стариков. (Хотя второе немыслимо без первого.) Персональные пенсионеры, старейшие завода, они не превратились в одушевлен-

ные реликвии, они живут не только и не столько воспоминаниями, их мысли устремлены не в прошлое, но заняты заботами о настоящем. Когда они переступают порог заводской проходной, ими движет и стремление побывать у мест бывшей славы и желание быть на страже жизни, ибо эти ветераны лишь талом стар, духом они юны.

Оттого-то на заводе по отношению к ним и в покое нет той иронии, какая звучит иногда в адрес пенсионеров, забывающих «изюлка» на бульварах. Наоборот, молодежь питает к ветеранам чувства, которые порой поднимаются до трогательных, почти нежных...

Я вспоминаю, как впервые попал на Кировский завод. Это целый город со своими улицами и площадями, мостовыми и тротуарами, железной и подвесной дорогами. От проходной до заводоуправления шагать довольно далеко, заблудить-

Старейшину завода М. Г. Алексеева ждут в дальнем цехе...

ся успешно. Людей много, то и дело шумят машины. В общем, годок по году.

По пути я нагнал нетеропливого старшина с олдтаймской капопостской бородой и, пользуясь преимуществами возраста, быстро оставил его позади. Но не прошел и ста метров, как мимо меня промчался зэнец-контроль, на котором рядом с водителем чинно восседал старик.

Тогда я еще не знал, что это был Михаил Гаврилович Алексеев. Не знал и того, что водители, которых он видит впервые, но которые наслышаны о нем претвитно, всегда предлагают почетному Кировцу свою помощь, не стесняясь ради этого даже удивить свой маршрут.

Особенно любят ветераны навещать главный конвейер сборки тракторов. Сейчас по нему движутся громадные 220-сильные «Кировцы».

В обходный перерыв вокруг Константинова и Алексеева собирается молодежь. Говорят о разных: об Эдике Константинове, внуке Михаила Константиновича, который служит в ракетных войсках и пишет, что после армии вернется на родной завод, о войне во Вьетнаме. Собираются рассуждать о заместителе коменданта и футболисте — бывшем рабочем «Красного Путиловца» Владимире Воюго. И Михаил Гаврилович с легкой грустью рассказывает об этом «королле льда», об одном из первых заслуженных мастеров спорта.

— Какой был спортсмен! И умар сорока трех лет от роду — в блокаду, здесь, на Кировском.

— А заводу здорово досталось в блокаду! — спрашивает кто-то.

— Вот мы с Михайлом Гавриловичем принимали участие в составлении истории завода, — отвечает Константин. — Там такие цифры были: 21 воздушный налет, 187 артобстрелов. Так, Михаил Гаврилович!

— Так, так, чуть больше тысячи снарядов уложили в завод стержень. Трудненько было восстанавливать. Ну, да завод реконструировали некоторые цеха.

Потом задавать вопросы наступает очередь ветеранов. Их интересует новый трактор. Тут на сцене молодежь, старинки лишь удивляются: по ленно вышли сравнительно недавно, а как техника вперед шагнула! — Не робей, братишка «Бордону» Путиловцов, шутит один из сборщиков.

— Но, но... Ты «Бордону» не трогай, — ворчит Алексеев. Он был первенцем, свое дело сделал. По тем временам, зная, какая машина была! Дипломы брали! И потом — «ваши-наши». Завод один — Кировский.

Вокруг одобрительно шумят. Кончили обед, и снова, будто ко-

рбай, плывут по громадному цеху могучие «Кировцы». Сборщики на своих местах, а Константинов и Алексеев не спеша идут вдоль конвейера, смотрят, как рождается трактор.

Через день-два найдутся они в другой цех, и там их точно так же возьмет в плен молодежь, чтобы узнать, например, такое: на нынешнем Кировском заводе, который дает продукцию несравнимо больше, чем полвека назад, людей работает меньше, чем на доореволюционном Путиловском.

А потом снова потянет ветеранов в сборочный.

И всюду толкуют они с молодежью, чтобы и самим от жизни не отстать и внукам ум-разуму поучить. Но делают это по-работному, ненавязчиво, как бы между прочим, зачастую сами того не замечая. С ними и поспорить можно и пошутить. Они не выставляют напоказ свою бурную грудную героическую судьбу, но рассказывают заученные от бесконечного повторения фразы былые эпизоды, но их громадный человеческий опыт стоит за каждым словом — оттого и тянется к ним молодежь.

Недавно ночной Ленинград озарился мутящими светом факелов. С Петроградской стороны, от Нарской заставы, от большевика двинулись к Финляндскому вокзалу колонны людей. С красными знаменами и плакатами, в первозаченных португальски-большевистских комбинках и матросских бушлатах шагала молодежь годов шестидесяти.

День в день, час в час спустя пятьдесят лет после того, как пионерские рабочие двинулись к Финляндскому вокзалу встречать Владимира Ильича Ленина, маршрутами красногвардейских рабочих отрядов выжила в боевой марш ленинградский комсомол.

Михаил Константинович Константинов и Михаил Гаврилович Алексеев шли этим путем, полевая наезд. Они видели Ленина на броневике с кепкой, зажатой в кулак, слушали его в ту же ночь на Маломе дворце Киевской. Нетрудно представить, о чем думали тогда молодые рабочие, державшие в руках оружие, вершившие революцию. Мне интересно, как чувствовали испытатели Константинов и Алексеев сейчас, наблюдая спустя пятьдесят лет своих внуков, идущих той же дорогой.

Словно створившись, ветеран-кировцы вспоминают октябрьский день 1917 года, Смольный, кабинет Владимира Ильича Ленина.

Ильич сказал тогда, что революция завоевана навеки. Он не ошибся.

Революция завоевана навеки!

16 марта 1919 года умер Председатель Всероссийского Центрального исполнительного Комитета Советов Яков Михайлович Свердлов.

30 марта, в пять часов вечера, в Москве, во 2-м доме Советов, собрался большевистский фракция ВЦИК. Секретарь ВЦИК А. Ежурин, без сообщения собравшимся, что Политбюро ЦК решил переименовать фракцию при избрании Председателя ВЦИК голосовать за кандидатуру Калинин.

Через два часа на XII заседании ВЦИК с речью выступил Владимир Ильич Ленин.

...необходимо поручить ведение отделными функциями членам коллегии, которые бы собирались ежедневно и руководили отделными областями. Что же касается председатели, то тут нужно поставить вопрос так, чтобы он вылезал лично партии по отношению и крестьянству.

Мы знаем, что, если мы найдем товарища, который соединит в себе качества среднего крестьянина, мы эту задачу разрешить сможем, и я думаю, что кандидатура, о которой мы прочли сегодня в газете, удовлетворяет всем этим условиям. Это — кандидатура тов. Калинин.

— Такая кандидатура поможет нам практически путем организовать целый ряд непосредственных сношений местного представительства Советской власти со средним крестьянством, поможет нам сблизиться с ним.

Михаил Иванович Калинин единогласно был избран Председателем ВЦИК.

— Мне известно, — сказал Михаил Иванович, — и рассматривая наш символ тесного союза крестьян с рабочими массами, так как в моем лице объединены рабочие Петрограда с тверским крестьянством. От того, куда и за кем пойдет крестьянство, во мно-

гом зависела окончательная победа революции. VIII съезд партии подтвердил, что путь социализма можно только в союзе с серединами, составляющими в то время основную массу крестьян. Очень важно было, чтобы эта основная масса получила политич. партию.

И вот по дороге республиканской стал курсировать агитационно-инструкторский поезд ВЦИК — «Октябрьская революция». Возглавить поезд партия поручила Калинин.

Где бы ни останавливался этот поезд, везде митинги и собрания, встречи, знакомства, разговоры по душам, конкретные помощи, убеждения, советы.

Потом, делая впечатлительные от поездки, Калинин снамет.

— Самый богатый, самый поверхностный орган Российской Советской Республики и органов советской власти привнес мне и полному убеждению, что в Российской Советской Республике сейчас происходит огромный процесс, который в провинции, особенно ярко наблюдается, — это укрепление влияния советской власти и сознание ее необходимости в глубинных массах рабочих и крестьян и даже в областной власти.

Невозможно рассказать обо всем, что успел сделать этот человек за свою жизнь.

И стар и мал не только знали его, но и любили.

27 лет Михаил Иванович Калинин самоотверженно работал на посту руководителя Верховного органа Советского государства, иреля нерушимости своего рабочего класса и крестьянства, отдавая все свои силы упорно другим народам Союза Советских Социалистических Республик.

Перед нами несильно старая фотография, запечатлевшая образ всеярусского старика. Это — наездник из зав. Михаил Иванович Калинин советский народ.

19 ноября исполняется 92 года со дня рождения Михаила Ивановича Калинина, выдающегося деятеля Коммунистической партии и Советского государства.

ВСЕСОЮЗНЫЙ СТАРОСТА

Этот снимок мы попросили прокомментировать Маршала Советского Союза СЕМЕНА МИХАЙЛОВИЧА БУДЕННОГО. Вот что он рассказал:

— Смотрю на фотографию и не могу унять вспыхнувшее во мне воспоминание. Хотя лет прошло много, почти пятьдесят, но хорошо помню, как все это было. Приезд Михаила Ивановича Калинина в нашу воиную армию был большим праздником не только потому, что он приехал вручать некоторые частям конной армии Почетные Красные Знамена ВЦИК и ордена Красного Знамени большой группы командиров и бойцов, а еще и потому, что у конярмейцев — он после Владимира Ильича Ленина был самым уважаемым советским государственным деятелем. Прежде всего всех покоряла в нем его скромность, душевная простота, его доступные для сознания простых людей речи и беседы. Приехал Михаил Иванович к нам в Умать в мае 1920 года. И тут же повелел выехать в части. Он выступал на митингах, беседовал с

красноармейцами, рассказывал о положении в стране и на фронте, призвал бойцов до конца выдержать свой долг перед советским народом.

На одном из митингов Михаил Иванович сказал: Товарищи из двадцать первого и двадцать второго полков и артиллерии! За заслуги этих полков и второй артиллерийской батареи в кампании против Деникина ВЦИК посылает вам Красные боевые знамя с орденом Красного Знамени. Вручая через командующего армией товарища Буденного Красные знамена, я думаю, что могу передать ВЦИК и Совету Народных Комиссаров, что эти знамена никогда не попадут в руки врага. Товарищи, я надеюсь, что тот враг, который осмелится поднять руку на Советскую власть, скоро узнает, какую силу, организованность и мощь имеет Советская власть.

Михаил Иванович Калинин осматривает составное хозяйство в селе Коришино Татарской АССР во время своей поездки с агитпоездом. 1920 год.

В приехной Председателя ВЦИК. 1925 год.

«Всесоюзный староста» вручает полярнику-паланицу Евгению Федорову Героя Советского Союза. 1938 год.

Фото И. ШАГИНА, А. ШАРХЕТА

от 19-летнего студента
 «Молодежь Ленинградского
 университета»

ВОСПЕШНЯ

РАССКАЗ

1

На станции Дмитрию Ивановичу повезло: шла попутная поезда до Анива. Возница, шустрый красавицкий старичок в тулупе, пояснил ему, что рейсовый автобус «счас еще впереди», и неизвестно, когда поинтересует, что в смысле ехать ничуть не хуже, а даже лучше, потому как на сене много мячи и не воняет бензином. Двенадцать верст он обещал промчать с ветром, запроса наперед не махаленько, тут же пошла в сомнам, а минут через десять явился уже малость навеселе, залез в сани и кинул через плечо:

— На ночь-то опичку выбрось да сеюм обложись Показал, что ли!

Дорога шла между высокими туфрами, дорожка была наезжена, пыталась конским пометом. Маленькая, под стать вознице, лошадица бежала по дорожке, раздвигая мохнатые боты и пофыркивая. Старичок вроде бы задорная, крутом все молчала, и только лошадиные копыта мерно молотили снег.

Лежалась на сене удобно, и Дмитрий Иванович был доволен, что вывал случай проехать в сани: давно такого не приходилось испытывать. Он вынул сигарету, ухватил покурить ною и стал думать о Григории, родном брате, к которому и ехал теперь из Москвы.

С помощью нажда Дмитрий Иванович похоронил свою семью Габрилу Артемьеву, заблудившую и добрую женщину. Детей им не дано было иметь, и оставших совсем одиноким. Дмитрий Иванович с какой-то болезненной остротой почувствовал тягу к родню, что прежде за собой не знал. С Григорием он не виделся лет двенадцать, и, наверно, оттого, что редко уже очень навещал к нему и в прежние годы, Дмитрий Иванович испытывал какую-то недовольство, потому показався в чем-то и шел теперь на покаяние.

Из общей семьи разошлись они еще в двадцатом году: Григорий в ту пору уже в Первой Конной воевал (призван был на службу еще в шестнадцатом), а Дмитрий Иванович получил благословение стариков и подался в город попытать счастья. Да так и остался в городе на всю жизнь. А Григорий на другой год с фронта вернулся без ноги и стал жить около родни. Все это время Дмитрий Иванович не терял связь с братом, хотя писал ему редко, ровно бы по обязанности. Еще реже посылал денеговку, а то и просто одноклону каляку попенюновою: невзначай ждал Григорий, хоть и звал старался не показывать. Ближе к сороковым годам жизнь поменялась: нахлывались стада, сыновья пошли работать, а тут — война. Сам-то Григорий не мог уже на фронт идти, а вот Матвей и Александр — это надежду слово — за победу отдал.

Дмитрий Иванович в ту прозвонную пору на Урале с заводом трудился. После войны до своей семьи Габрилу Артемьеву, хоронил жила Дмитрий Иванович, крупные должности занимал по бухгалтерской части, а Григорий всю жизнь возком проработал.

Дмитрий Иванович вспоминал все это с чувством превосходства над братом, и ему было приятно сознавать, что достиг своего своим умом, без чьею-либо поддежки. Он подумал о письме, полученном на той неделе от брата. Григорий писал о своей «жизнелюби», о любви к жене, о дочери Клавдии, что еще в детках ходит, и о том, что нога под деревенской стала опять садиться к невесту. Заказчивал он так:

«Приветай, Дмитрий. Сходим с старикам на мяду, попожамся. Да и наши годы круты: мне вот-вот семидесят и тебе к тому уж. Может, по последний раз и свидимся-то. Приветай, Митя, не забудь. Кровь одна в нас, иника тут не денешься».

Дмитрий Иванович вздохнул и опять закурил,

подумав, что курить надо бы все-таки реже — пора и побережь себя.

Мимо все неслись высокие туфры, мелькали телефонные столбы, снес лес вылаке, и бодое, разное-разное око солнца катилось по небу вслед, русское, родное, только вроде бы полустершееся в памяти, подулалось Дмитрию Ивановичу во всем этом, и он почувствовал явную, как у него слышно, до перхоты засадиною в горле и отжалело в глазах.

Совсем неожиданно вспомнилось ему, как в зиму шестнадцатого года провозила Григорий на войну. Было вот так же снежно, и он, Дмитрий Иванович, в ту пору пятнадцатилетний малушат, был с отцом на станцию к месту сборов четверых парней из своего села. Были они здорово вынужены, горлакали всю дорогу частушки, а Григорий вояско с погульною удалую наяривал на гармошке. Дмитрий Ивановичу до сих пор помнилось одна из этих частушек. Пели они ее задирливо, но с застенной, отчаянной бодью: моль, да вышка не пропадала.

Эх, да неужем это правда.

Нас с това-а-рищем убьют?

Эх, в гаубку аны закопают

Да сверку цементом залыа-ют!

Дмитрий Иванович закрыл глаза, и перед ним заметалось далекое, смутное то время, и было страшно думать о том, что промелькнуло с той поры столько лет...

2

Дмитрию Ивановичу пришлось вынуждаться, чтобы расстаться с братом. Был от неволек ростом, нуля, подвыжен и стариком выглядел только с лица.

— Митя! Родной! — кричала он, отступил и разглядывая Дмитрий Ивановича. И для чего-то все прилагательные совсем седую, по-ребячьа стражничью челку. — Да разведаться, садись! — И все бегал по комнате, потупивал по краешком половцам деревянной ногой, пожегой на опрокинутую вниз горлом бутылку. Вонзал палато брата, переставала зачем-то с места на место его вениц. — Приехал, значит?

Дмитрий Иванович все, окончив взглядам светуло, просторную комнату. Тепло, по-родственному засмеялся.

— Приехал! Ну, а ты как тут? Рассказывай.

— Жилу, сам видешь как, скромно. — Григорий Иванович, малость сконфузившись, повел взглядом по железной кроватки, по самодельному шкафу, по столу с потертой клеенкой. — Да это все пес с ним. А так работам, жив-здоров.

— Все возчиком?

— Ага, возчиком. Ведь я страсть как люблю коней. Нет, Митя, друга лучше коня. В Конной был у меня Ветерок. Ехал б ты видела, а! Пугал! Скомамо лет грохнуло с той поры, а забыть не умею. Вот ведь штука.

Слышно стало, как о ступеньки обступивают валички.

— Мои идут, мать с дочерью. — Григорий Иванович поднял палец, подмигивая. — Сейчас я их удавил! — И кинулся в прихожую.

Дмитрий Иванович троекратно расслышался с женой брата Настасьей. Она все пореводила повернутою о боку и причитала:

— Пахло видеть я стала. Не обессудь, дай разглядеть-то тебе, Дмитрий Иванович. Большая дружба к ясу.

Последняя поддала Дмитрию Ивановичу холодную с мороза руку. Улыбнулся чуть смущенно:

— Спасибо, что приехали. — Маленькие щеки не испытывали еще гущи. — Папа чата рассказывал нам о вас. Малости просим.

— Ну, будь буга, — невдоволю сказала Григорий Иванович. — Готовите лучше на стол. Там и наговоримся.

Дмитрий Иванович вынул поварки: брату — отрез на костом, Настасье — шаль, а Клавдии — свиную шерстяную кофту. Раздала и отрезного смутляса.

— Спасибо, Митя, — сказала Григорий Иванович. — Только эря ты это. Трять большие доже.

Настасья собрала все подальше вместе, обглядела на свету и гаубкою, с прищипком охнула:

— Господи, да что ж ты тошишь-то, Дмитрий Иванович, родной выш! Привяжь хоть Клавью, бутылочку вытвир. — И вздрог заплякала, утнува лицо в адыни.

— Переставь, мать, — гаубо сказал Григорий Иванович и вытянул из кармана кисет. — От поры плачу, от радости плачу: Бабы и есть бабы. Закурив, выпыхнула клубом дыма и сердито глянула на дочь. — Чего дождаешься-то? Сказано, обед готов — значит, плуей!

3

Богатым в этот вечер был стол у Григория Ивановича. Сухова, Ковяк, бутылка дорного вина, всякие пакеты и банки, привнесенные братом, бутылка водки, купленная Григорием Ивановичем, и разная домашняя еда — все это уже уместилось на столе. И настроение было у всех праздничным, только Настасья выглядела озабоченной. Последнюю туфру она все пыталась подсчитать в уме, глядела на это стояла. Выдохла много, почти половина мужничного жалованья, и она робела от того и старалась есть, что подешевле, хотя семейных денег было истрчено туфты. И еще она глядела на охотского и ститого Дмитрия Ивановича, да на его белую рубашку с черным гаустком и думала: «Какой видный из себя, будто артист настоящий». Муж родил с ним казался ей замуршковой в своем стариком поддежке.

Помытула были старик, Габрилу Артемьеву, убитые на войне Матвей и Александр. Переговорное о родном селе, о детстве, о прожитом вообще, и Григорий Иванович даже подыла стакан за Коварином.

Я, Грisha, в жизни никогда достиг, и ты это знаешь, — после некоторого молчаливого торжественно сказал Дмитрий Иванович, поднося на ложку кашу и боись кинул на брюки.

— Ты, Митя, лезуний, и я это призываю, — согласился Григорий Иванович. — Мне покруче твою на долю выпало. Да уж как кому.

Дмитрий Иванович сидел уже без поддежки и без гаустка и часто курил.

— И дай бог каждому так — вздохнула Настасья. — Радеть из тебя злобу, Дмитрий Иванович.

— Теперь я на хорошей пенсии и, опять же, поучиле не зря.

— Скомаже же положан-то? — спросила Настасья.

— Вот баба! — вскрикнул Григорий Иванович с досадой. — Ох, пытаный народ до чего эти бабы!

— Папа! — вспыхнула Клавдия. — Все время тебя ведь поучу: невзначай так. Не бабы, а женщины.

— Видал! — Григорий Иванович горло стукнула газеткам. — Библиотекарша у меня Клавья. Куларина!

— Току-то, — вставила жена. — Кулартой одной не прожнешь. Шестидесять рублей в месяц — вот твоя и куларта все.

— Мам, — тихо сказала Клавдия и нахмурилась.

Рисунок А. НИКОЛАЕВОЙ

не тронул, словно соображал, что бы такое сграть, хотя играл всякий раз лишь одну песню. Потом острожно нацупил тон и варуг тонко и чисто запел:

Там, дадал за рекой, загорались огни,
В небе ясном зари дотгорала,
Сотня юных бойцов из буденновских войск
На разведку в поля похаскала.

Он окончил первый куплет и, не открывая глаз, сметка выгнула головой. И Настасья с Клавдией так несладяно, разом подхватива припев, что Дмитрий Иванович выдохнулся. Они пели в три голоса, и выходило это у них ладово, и было видно, что песню они эту лобат и давню знают.

Сотня юных бойцов из буденновских войск
На разведку в поля похаскала.

Григорий Иванович летел ум на самый метк. Настасья сидела прямо, торжественно, сунув под мышки руки, а Клавдия стояла, привалив к шифу спиной и не спускал с отца глаз. Обе они ровне боялись пропустить тот миг, когда надо будет вступить опять и будто ждали, когда гармонист опять кинет им. Но Григорий Иванович, окончив другой куплет, не подыал даже головы. И опять они все вместе подхватыва припев.

Помо они строго и тоскливо, с задумчивым упорством, будто выноспан какой-то душевный обряд, и Дмитрию Ивановичу стало не по себе. Слышала он всем нутром их и вроде бы наяву видел то, о чем говорилось в песне, и не знал, пить ему вместе с ними или не пить. Так было чуть не полнута, но любобас пошевелить и в то же время почувствовал какое-то странное опустошение, словно бы кто-то и в чем-то обделал его.

Голоса задумчиво выскодлае:

Ты, конек вороной, передай, дорого-ой,
Что я честно погиб за рабочи-и-и-и!

Григорий Иванович отдал гармон. Клавдия и тихонько отклавившись, утер со лба пот.

— Грустная песня, Митя, Душевная. По мне, у каждого должна быть песня свой, особенная.

— Хорошая, — сказала Дмитрий Иванович.

— С ней вроде бы и жить легче, с песней-то. Я вот кай на своей телеге, продукты со склад

в магазин везу или еще что, и пою. Про себя, конечно, но для души-то как будто и вслух получаеся.

— Дмитрию Ивановичу постелан на диване, а Клавдия ушла почевать к шаруге.

— Идет жавня, Митя, — вздохнула из темноты Григорий Иванович. — Торпист, только поспевая за ней. — И затых.

За окном было бело от снега, от высокой луны.

— Да, жавня идет, — подумала Дмитрий Иванович. — Что ж, так было всегда и так будет. Я честно прожил ее. Неплохо».

4

Наутро Григорий Иванович пошел уладить дела с работой — на денек-другой отпросился надо было, — а Клавдия следом за ним отправилась в библиотеку.

— Наче-во почтять, Дмитрий Иванович, — сказала Настасья, собирая завтракать. И придвиннула к нему вырванный из тетради лист.

На нем широко, рукопечатно стояли слова: «Язык правдеж, старый грех. Беды шпешь на свою голову? Что ж, коли так — правдеж уважить. Дождя!».

— Что это? — удивился Дмитрий Иванович.

— Настасья сама напорот, положила руки на стол. Гляди на них, сосредоточилась.

— Как тебе уж и поспит-то, что? К примеру, ты, Дмитрий Иванович, живешь себе и живешь. И другие спокойно, мирно живут, как правильным людям и дано. А ведь наш-то! — Настасья всклинула, глядя рукамив промокшую. — Вот нам и строг угрозы, гугаю.

— За что же? Кто?

— Холодильник у нас тут выстроили, гола два тому уж как. Крупный, на весь наш район. Ну и есть там один, ох и ловок на руку! Сам тинет и другие гугает. А мой в молочках там. Ему до всего дела, кой-кого поровит упарить.

— Понимаю, — Дмитрий Иванович покачала го-лову.

— Он и после нее-то, — Настасья указала на записку, — не поспитис ведь, бинка ругадала. Того осплелас Кристик, ей его, поддела, на чисту воду выведет! Далеко ли до будры?

Дмитрий Иванович нахмурился:

Андрей ДЕМЕТЬЕВ

Баллада о верности

ПРОЛОГ

Отцы умчались в шлемах красновоздушных,
И матерям отныне не до сна,
Звонит от сабель над Россией воздух,
Рапостаня конями тишина.

Мужей идут немцы,
Ждут деревни русские,
И кто-то не вернется, может быть...
А в колыбель спят мальчишки русые,
Которым в сорок парею уютней.

1

Засыпая топот,
За околицу
Бежал мальчишка лет пяти.
Все идаль: сейчас промчится конница,
И быткя с флагом впереди.
Он поворачивается с мальчишкой,
Возьмет его к себе в седло...
Но кто-то кони медлят слышном
И не врываются в село.
Но сын упрям был и доверчив.
Он в ступе мерз и в ливень мок.
И все бежал отцу навстречу
И вступить उसे его не мог...
— Ну, мам, когда же он вернется!
Что сказать ему в степи
И лишь старуху у колодца
Вздыхали горестно ни след.
Да ночью мить подкуше илтой
Проплачет правду до конца...
И утром глянет вынасто
На сына, идущего отца.
О, сколько в годы те тревожные
Росно отменялись парней,
Что не зыльте так мало проножи,
Да анго сделали на неи!

2

Прошли года.
В краю пустынном
Над старым холмом — звезда,
Любовь отца с любовью сынов
За sogno верст пришла сюда.
Целая степь, пылало лето,
И душно пахло черецом...

Вот так в степи мальчишка этот
Впервые встретился с отцом.
Прочел, глядя слезы, мам,
Что он носил двадцатый год...
Еще не вырос.

Что над ними,
Темней в тревоге небосвод,
Что скоро грянет горюк парвй,
Что будет слышно со всех сторон,
Что в Польше под звездой фашиерной
Свое оставит ния она...
Ну, вот и все.
Пора прощаться.
Хоть война давно прошла,
Я слышу, слышу, кони качает
Все мимо нашего села.
И снова, слыша Бессоничну,
Иду до конца влеть.
Идет старуха за околицу,
Куда носился сын ее.
Иду болно редюе... — смекает плугом,
Что будет слышно со всех сторон,
И этот памятник разлуки
Заметит никто издалека.

— Мальчиго надо было бы вызвать...
Настяся продолжала:
— Да его, жужака этого, на месте схватить надо. Ты бы, Дмитрий Иванович, сам с Григорий поговори по-чужому, по-чужому, а? Я ую от него весь азык облоблатил — хоть што ую.
— Хорошо, успокойся. Я поговорю... — пообещал Дмитрий Иванович. И с раздражением подумал: «Ну, зависка, чепуха же! Ты только хочешь, ты сам и лежишь в эту заваруху, Григорий! И без тебя разберутся».

К полудню братья возвращались с кладбища, от стариков, уславившись, что если летом Дмитрий Иванович придется опять — помочь доставить новую ограду на могиле. И хотя Григорий Иванович отнекивался, дескать, и сам ободулся, Дмитрий Иванович настоял на своем.

Ща разрядом, идя в лесок: Дмитрий Иванович, высокий, ладный и шустрый, в полурубчике и суженой ушанке Григорий Иванович.

По укатанной сапням дороге идти было легко. Дмитрий Иванович с трудом распознал родное село. Ему казалось, что некогда прежде не видал он такого тихого, чистого поселка и не дышала таким ядреным воздухом. Порой он брал Григория Ивановича под руку и, кивая к нему, удивлялся: «Да разве для это самое Аниго? Дружкащие дома! Ведь революция целая, а?»

Григорий Иванович, довольный, словно это он сам все выстроил, шуршал в ушанке.
— Да разве ж ты не бывал здесь, Митя! — И кивала в ответ истерично, касаясь почитаемого верха шапки и гордая своим видным братом перед знакомым.

— А вот сам ты недавно выгладился! — острожно, с участком начал Дмитрий Иванович. — Ни писю бы тебе, Гриша. Право у тебя есть. Отдохнись. К примеру, я вот...

— Ты другое варово... не дал договорить ему Григорий Иванович.

— То есть как другое?
— Видишь, как дружок?
— Не слепой. Поинямо.

— Не все поинямо. На жизнь я не обижан, не думал. Вот и комнату хорошую дали, и обижаня моя положена. Верно. И Катяшка моя не обижаня, голова светлая у ней. А Настяся мта пенсий не заткнешь, для нее деньги, как алкоголь, все одно.

— Человек она уютный... — подумавший Дмитрий Иванович, — но ведь пенсия и ее можно.

— А! — неодобливо сказала Григорий Иванович и искоса поглядывала на брата. — Не в ей дело. Ты отпусти, не ступай, ли и на своей пенсий-то закнуты дружок перо? Вот в чем перец-то!

— Кому это «артумо»? — удивился Дмитрий Иванович.

— Да тому, кто всада мне тычет с ушмаккой. Моя перестя бы выкрочивать не себя, жна бы с умом другим не мешал, да и сам в накладе бы не остался. — Григорий Иванович отстоявился вадру, сунул руку в карманы, посмотрел под ноги. — Эх, Митя! Я, конечно, знать, и явное дело людей на конармейца и неконармейца!

— Это как же? — спросил Дмитрий Иванович.
— А так! Нещея дело наше даальво — боец! Присоска к нему — шмолчть. — Григорий Иванович рубанул воздух руганью, словно пилкой, и с досадой сплюнул: «И у этой шмолчи жинию своей, работй честной доказат должон, в чем правда жиния нашей. И если я безобразия какое пришею, то не было бы глать перечь... Вник? А ты про плею мне».

— Да-а, — неопределенно подкушка Дмитрий Иванович и пожал плечами. — Но зачем тебе это доказывать, не пойму?

— Забыть кой-кто стал, за что мы денюжных разных рубани.

— Не все позабыли, Гриша. Правильные люди хорошо это помнят. Бурнаш кинжтом зря, — успокоил его Дмитрий Иванович, все больше удивляясь ему. — Сашком ты на сердце все кааешь.

— А как я должон иницие? — Григорий Иванович шел, расклевывая, припадая на левый бок. — Плевни, как? — И, помолчав, тише ую, но с досадой на брата сказал: «Вот Катяшка, та меня допичает».

У самого крыльца Дмитрий Иванович остановился.

— Я, Гриша, тоже понимаю тебя. Не хуже Клавдия Дмитриевича. У него совсем разносло ботинец поковырива снег. — Но ты, ты дай слово мне себя беречь. И семко. Беда там, где и не ждешь ее. Зачем лезть на рожон?

Хай! — вскинулся Григорий Иванович. — Ведь это ты, Настяся, сама так говоришь. И мазию, значит, чинит, давай! Ну, бебай!

— Должен спокойно свое, не ершишь, — глухо

сказал Дмитрий Иванович. — Ты точно верно меня пойми: правда твоя, но ты уже отходила свое. Поможет есть, покрепит. Так-то вот. — Он осматривал сбрую на брата и теперь верил, что не на ветер говорит Григорий все это.

— Чудой! — Григорий Иванович исподлобья посмотрел на брата.
— Что тебе чудой, скажи?
— А то, что все должно назыворот быть.

— Как понимать тебя? — удивился Дмитрий Иванович.
— А так! Не по Настясиной науке говорить тебе, Митя. Мы с коммунистами коммунистически. — И тряхнул в нас, одяса, сам пишесь! — Дмитрий Иванович закинул от обиды, но сдержался. — О чужом человеке не став бы лечься. А раз так...

— Ну-ну, брось. — Григорий Иванович смутился и тронул его за локоть. — Ца простылам дявно. Айда подходить.

5

Прожила Дмитрий Иванович у брата три дня. И что ничего вроде бы не произошло особенного, стало ему по себе после разговора с Григорием. Все больше молчала он, и ему хотелось поскорее уехать к брату.

Теперь в свободном поезде думал он неотступно о Григории, и ему казалось, будто не так все было, как заглядыва, отправляясь в гости. Но только сейчас, оставшись опять в одиночестве, он ощутил это с обывающей остротой. Ему захотелось прямо в эту же минуту высказать Григорию то главное, о чем не даво глупое самодовольство заговорить там, у него дома. Что бы это могло быть, Дмитрий Иванович и сам толком не знал, но, наверное, поведал бы брату о том, как одною и горько жилось ему на свете, хотя ни в чем не знает себе отказа. Как невнясно коротать время в пустой квартире, как жить лезла, как постоить по ночам, и думать о недалеком конце, и знать никак, что человеку даже тебе будет приводить да могилы. А может быть, о том, что нет и не было у него никогда жиния, как у Григория, своей песни, которую можно было бы пить нутром и которая прибывала бы силам в трудную минуту...

Он вспомнил, как нынешним утром брат привез его к станции на свой вагон.

— Сиди ступая с Григорием у поезда так близко друг к другу, что пар от их дыхания спутывался в один клубок. Дмитрий Иванович смотрел на брата-у деревняную ногу, и отчего-то думалось ему, будто бы голый, невмосту на таком сладе. Рядом с другой делой, в полдистом широком валенке она казалась тощей и ненадежной, точно вот-вот могла крушнот от мороза.

— Прехала бы ко мне, протез бы хороший устроила — сказала тогда Дмитрий Иванович. — В городе мигот такое.

— Спасибо, Митя, — ответил Григорий Иванович. — Не могу, видишь, сам, работа. А летом, как и уговорившись, кати к нам отца.

— Это конечно. А может, и сам идущаешь, а? — Я и на этой ноге крепко пока. — Григорий Иванович засмеялся по-доброму и ровню был в дозвещательный вадеко, со скрипом в снег деревняную ногу. — Выдал!

— Дмитрий Иванович то выходил из купе в коридор, то возвращался назад, но ощущение хворого какого-то существования, которое стало испытывать он, как только села и обитивная поездка, никак не проходило. И что-то смутно похожее на зависть уколало его, когда он вспоминал жарко натопленную комнату брата, Настясю с Клавдией, поющих песенку о москалом буленосном боине, и самого Григория, ухом припавшего к мехам гармонии.

От прежнего разговора с братом да и от этой вот легкой зависти чувствовалось себе Дмитрий Иванович обложившим. «Взвесь пласкую хогю, а когда учиывалась тебе побережись!» думал он, Григорий с досадой. — Брат ведь тебе родной я, а ты вон меня как».

Как и три дня назад, несмась опять за вагоном одним из глубоких снега, слышь все адалеко, и блестяе око соланца катилось вслед поезду, не оставляло.

Дмитрий Иванович сидела за столиком немного сутулаясь, глядя в заднюю, вслушиваясь равнодушно на глухавший перестук колес и думала о том, что завтра будет уюе у себя дома. Но облегчения не было и от этого. Напротив, чем дальше поезд уносил его от родных мест, тем глубже Дмитрий Иванович чувствовал себя обездомленным, словно там, у Григория, оставши он что-то такое, без чего жить одному теперь станет и вовсе-то невозможно...

ВЛАСЬ ВРЕМЯ ЭТОЙ РЕЧЬЮ

Николай ТИХОНОВ

Римма КАЗАКОВА

Михаил ЛЬВОВ

В горах

И вот опять, горам окруженный,
Приветствую высокой первый снег,
Сильней скаж, и лес заводорошил,
И у Хартманс двух потоков бег.

Теснятся горы, говорят все разом,
Вплоть до ручья, скользющего змея.
Они несут наветру мне рассказы
О том, что здесь случилось без меня.

Скоротворной листве, задыхаясь
Летящей павой, бесчисным снегам,
Высот дельтовым щек мило касаясь
Или заставя отсытним — без слов.

Я слушаю их выдуманы и были,
Говорюны, вы так мне хороши,
Как и тогда, когда глаза открыли
Впервые вас, как тайнинн души.

Вы говорите ямиче с человеком,
Светло горя, как этот первый снег,
И, с каждым новым поднимаюсь
Вас лучше понимаю человек.

Под Ленинградом

Поля, холмы, лощины темно-синие
И перелески легкого волной,
Но через все — невнятная линия,
Неспящая, идет порою мной.

От Ладоги вы всю ее пройдите,
Она к лагуну прямо приведет,
На старой карте вы ее найдёте,
С полметрой грозной — сорок первый год.

Та линия еще сегодня дышит,
Она по этому вахеку идет,
Она ластуя вот с руды копьяшет
И в новый дом подчеркивает взход.

Возможно, поколенным близким
Но так, как будущим, она видна,
Хоть кое-где гранитным обелиском
И надписью отмечена она.

Но, кажется, она еще дышит,
И молнии проносятся мрак,
На ней, на этой огненной границе,
Отброшен был и остановлен враг.

Заговорила роща на откосе,
Прислушавшись, о чем шумит она,
Как будто ветер, набжежа, приносит
Бесчисленных героев имена!

Рисунки А. ГАЛПИНА

...Только город у немцев был отнят
обратно,
воротился с другим туда моя тетя.
По щербке, красавшей подошвом,
по горелым местам, по камням еще
теплым —
воротилась. Ей было светло и
отрадно. Платочком по-бабам повязан.
На ногах сапоги. Однотонная туфля.
И по икелям спаленным, по
спилленным взамам,
по обугленным трубам —
бесстрашная — разом
пробежала глазами, о чем-то гадая.
А мужик был на фронте. А дочка —
годочек.
Шла война. И еще до победы —
потопаты!
И пошла моя тетя за веп и за дочек
починять, кочегарить, выкрашивать,
штопать...
Я люблю этот город. Он белый,
красивый.

Владимир ГОРДЕЙЧЕВ

Кусок горы Магнитной

В кратер сойди, как старик Альпийрин,
ждушу свою утолну там,
где исходит водою в карьеру
рудное сердце Земли.
Рываю кровью-рудною точится
сердца железного плоть.
Ты забери его силой чистящу:
грунта мелезный домоть.

Виктор УРИН

Баллада о Ленинском проспекте

Была зима военная. Мы знали,
Что Волгу беретут собирать,
Что Ленинским проспектом называли
Полосу обороним у реки.
Рена была как мать у изголовья,
Морщинились, прибрежные черты,
Она в закате истекла кровью,
И все меняла дымные битвы.

В те дни я не был там, к своей
досаде,
в другую часть зачислился меня,
Я, автоматчик в танковом десанте,
Служил в бою на линии огня.
Передний край, как в огненной
валухе,
Вставал, бросался в яркую кипель.
И те две пули, что в меня попали,
Но долетели и Волге в тот день.
Сказать по правде, кажется порою.

Я туда навежаю нередко, и тетя
улыбается гордо: «Почувствуй!»
То-то! И устало вздыхает: «Россия,
Россия...»
Что — Россия! Еще ты считаешь
конейко, парусниковых тапках божись
в магазину — Белый город — и ты. Не помню
европейкой в штабелочках, в платочках,
в цветочках России. А Россия в Западные
рейтавини — делит —
за века, что грозилась, будет вечно
в грязь ей! Что, Россия — она своих теток
не ценит! Просто знает она своих теток, Россия
И случись, — что ж, и мне черной
хлеб их не горек. И, как тетя, себя не жалая ни каплю,
буду — день, буду — Белый
дикующий город, буду — красное это пространство
на карте.

Красной Пресне

Красная Пресня —
Красная весна
Прошлых и нынешних дней.
С этого месяца
Мы — краснопресненцы
С милой моей!

Мы — краснопресненцы!
Мне
краснопресненцы,
Петь мне
согласно с тобой,
Красная Пресня —
Красная песня!
Красный огонь над землей!
Красные реки.
В красном метро —
Красные грани,
Красно нутро.

Правильно это!
Дай же мне вновь
Красного цвета
В строки и в кровя!

Марк ЛИСЯНСКИЙ

Такое время

Соединяются планеты,
Соединяются моря,
Соединяются поэты,
Любовь твоя и жизнь моя.

Соединяются народы,
Соединяются друзья.
В такие дни, в такие годы
Жить в одиночестве нелез.

Такое время наступило,
Что радом с нитью вьется инь.
И те, что есть, и те, что было,
Никак нельзя разделять.

Я слышу время этой речью,
В которой ветры всех орбит.
И полосу Северный наветру —
Представь! — Южному спешит.

Что до сих пор, как надо, не воспет
Тот, помогающий выстоять героям,
Принимаяй к Волге Ленинский

проспект.
Пусть дни за днями пролетают мимо,
Но очень важно в самый трудный час
Вдруг ощутить, что тот проспект
неизримо

проходит в сердце каждого из нас.

И если что — так помни: слово —
дело!
Я выбегу под пулю, как тогда,
Чтоб только до тебя не долетела,
Чтобы моей была твоя беда.
И в тот момент, когда назад —
ни шагу,
Когда, казалось бы, уже не жить,
Прошу тебя: иди в себе отыщи
Свой Ленинский проспект оборонять.

На третьей сессии Верховного Совета СССР с докладом о проекте Закона СССР «О всеобщей воинской обязанности» выступил Министр обороны СССР Маршал Советского Союза А. А. Гречко.

«ГЛУБОКИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ, ПРОИСШЕДШИЕ В ЖИЗНИ НАШЕГО ОБЩЕСТВА, ВОЗРОСШИЙ УРОВЕНЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ, ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ И ТЕХНИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СОВЕТСКОЙ МОЛОДЕЖИ, КОРЕННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ОСНАЩЕНИИ ВОЙСК НОВЕЙШЕЙ БОЕВОЙ ТЕХНИКОЙ И СОВРЕМЕННЫМ ОРУЖИЕМ ПРЕДЪЯВЛЯЮТ К ВОИНСКОЙ СЛУЖБЕ НОВЫЕ, ПОВЫШЕННЫЕ ТРЕБОВАНИЯ», — ТАК ГОВОРИТСЯ В НОВОМ ЗАКОНЕ О ВСЕОБЩЕЙ ВОИНСКОЙ ОБЯЗАННОСТИ, ПРИНЯТОМ ВЕРХОВНЫМ СОВЕТОМ СССР. ЭТИ СЛОВА ЗВУЧАТ НАСТОЯЩИМ ОТЕЧЕСКИМ НАПУТСТВИЕМ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ, ВСЕГО СОВЕТСКОГО НАРОДА ТЫСЯЧАМ ЮНОШЕЙ, ВПЕРВЫЕ НАДЕВАЮЩИМ СТРОГУЮ СОЛДАТСКУЮ ФОРМУ. — БУДЬТЕ ДОСТОЙНЫ СЛАВЫ ОТЦОВ И ДЕДОВ, СОЛДАТЫ ОКТЯБРЬСКОГО ПРИЗЫВА, — ОБРАЩАЕТСЯ К НИМ СТРАНА, — ВЫ МОЯ ОПОРА, МОЯ ЗАЩИТА, МОЯ ГОРДОСТЬ!

ЗДРАВСТВУЙ, АРМИЯ!

Фото Г. ДУБИНСКОГО

Текст А. МАШИНА

Четыре года назад, осенью, такой же теплой и солнечной, как нынешняя, сидел я в кабинете генерала, человека пожилого и мудрого, с густейшими седыми кавалерийскими усами. Он по должности лучше других знал, какое пополнение получали в том году Советские Вооруженные Силы.

Почти не заглядывая в сводки, лежавшие под рукой, генерал называл мне — в процентах, только в процентах! — количество призванных в армию комсомольцев, разрядников по тем или иным видам спорта, наконец, молодых солдат со средним

образованием и без оного. Последние цифры были самыми любопытными и, пожалуй, наиболее важными.

Наука и промышленность оснастили армию самыми современными видами оружия. Генерал рассказывал, что сложная техника будет обеспечена людьми, способными быстро и успешно овладеть ею.

Впоследствии я еще не раз слышал и читал о том, что в армию и не флот приходит все больше людей со средним образованием, которые без труда осваивают не только автоматы, но и электронную аппаратуру ракетных комплексов.

...Вместо привычных слов о «гра-

«Счастливей вас службы!» — наступают рабочие Московского локомотивно-ремонтного завода призванников-комсомольцев Виктора Лисова и электромонтажника Сергея Масникова.

Семейные проводы: родители, гости, виновники торжества...

Самая последняя минута.

Рано утром во дворе Калининского райвоенкомата столицы прыжками впервые остались в строю. Военный комиссар полковник А. Н. Сивоброд тепло поздравил будущих солдат.

мотном» попадании партгорчестн, куда я приехал, подполковник Мартынов начинает рассказывать о... сочинении, которое было предложено написать молодым солдатам через неделю после начала службы. Сочинение в армии! Быть может, штабу понадобился писарь, и командир решил провести открытый конкурс на замещение вакантной должности! Или таким экстраординарным способом полкотракторники захотели вызвать солдат, способных редактировать «боевые листки»!

Мартынов улыбнулся: — Интересно, о чем вы подумаете, если я назову тему сочинения. А она формулировалась примерно так: «Что вам нравится в военной службе и что в ней не нравится? Какое впечатление произвела на вас армия?». Итак, сочинение в армии. И не просто сочинение, а своего рода социологическое исследование. Уже само по себе это было неординарным, новым. Сами сомнения давали еще больше пищи для размышлений. Они были искренними, и эта искренность убеждала в достоверности лейтмотива

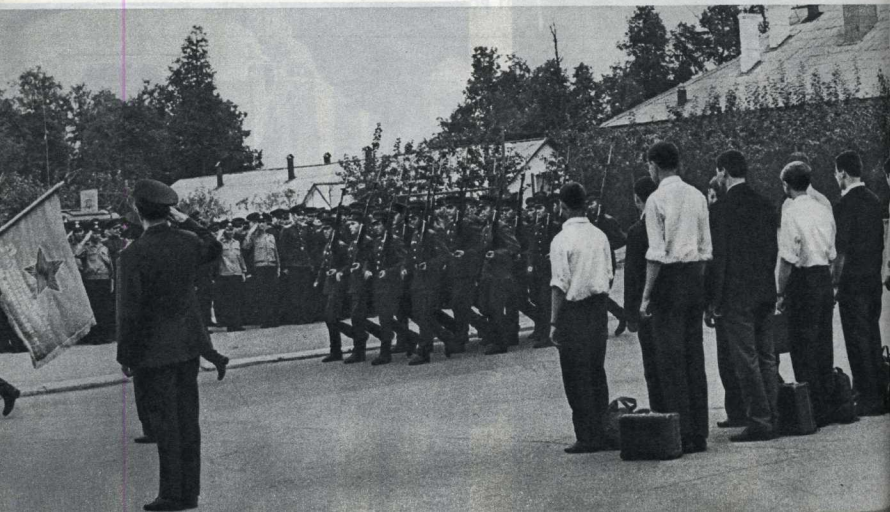

во всех сочинениях: в армии очень интересно! Здесь средоточие новейшей техники, а освоение ее — нерадужко основа будущей специальности на всю жизнь. Сегодняшняя армия все полнее отвечает стремлению окон-

чившего школу продолжить образование, в этом смысле военная служба как бы приближается к техникуму.

Об этом же говорил мне и сотрудник Калининского райвоенкомата Мо-

Торжественная встреча новобранцев в П-ской воинской части.

скавы майор Рышков, объясняя тот небезынтересный факт, что сейчас многие матери и отцы обращаются к нему с просьбой поскорее призвать их сыновей в армию, чтобы «тум-разуму набрался».

А пришел я в Калининский военкомат потому, что те молодые воины, которые писали сочинения, призывавшие этих военкоматов.

Там, где они работали, на «Серпе и молоте», «Прожекторе», локомотивно-ремонтном, комсомол в военкомат организовали проводы в армию, сарденчные и нестандартные, задушевные и трогательные. Без пышности, но достойно и строго напутствовали их рабочие, наказывая не посорить честь завода и за Родину, если придется, встать так, как стояли они, бывшие фронтовики.

И многие ребята приглашали ветеранов войны, ветеранов своего цеха к себе домой на прощальные вечера. А утром на призывном пункте их ждал еще один ветеран войны. Каждый день кто-то из 23 Героев Советского Союза, живущих в Калининском районе, по просьбе военкомата приходил провояжать в армию своих молодых земляков.

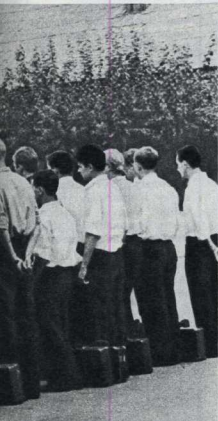
В военком полковник Снегобород, танкист, окончивший войну против немцев в Праге, а против японцев — в Порт-Артуре, рассказывал, с каким уважением смотрят ребята на уважаемых героев войны, на орденов и медалей генералов, офицеров.

— Ей-богу, мужичины в них прославятся. Личная храбрость и смелость всегда в почете. А где же их провалять, как не в армии?

Потом призвал представитель части, куда отправляли служить калининцев — военный от сапог до воротничка, подтянутой, стройной, с орденскими колодками и скрипящей португейей. Что ни говорите, а есть в армейском офицере что-то привлекательное, рвантальное и волевое, чего порой недостает штатскому.

И, наконец, торжественная встреча призывников в самой части. Парад

Внеаальный солдат рад полковничю!

На этот раз за «крутыми столами» «Смены» — своеобразной лабораторией социологических исследований проблем воспитания молодежи НИИКСИ ЛГУ. Этим выступлением мы продолжаем разговор о проблемах работы и воспитания молодежи, начатый в 16, 17 и 18-я номерах журнала.

В ближайших номерах «Смены» за «крутыми столами» вы встретите с учеными, публицистами, молодыми специалистами и рабочими. Они поделятся своими мыслями о профессиональной подготовке молодежи, гражданской и социальной зрелости, жизненных планах молодой рабочей.

ПРОБЛЕМА

«ОТКРЫТЫ ВСЕ ПУТИ».

• ЧТО ВЫБРАТЬ ДЛЯ СЕБЯ?

• СОЦИОЛОГИ ИЗУЧАЮТ МЕЧТЫ.

• ОТ «Я ЭТОГО ХОЧУ»— К «Я ЭТО МОГУ».

• ЧЕРТОЧКА В АВТОПОРТРЕТЕ ПОКОЛЕНИЯ.

У нас в стране молодым открыты все пути. Но очень важно, какой именно путь выбрать. Изучение жизненных планов молодежи не просто удовлетворение нашей научной любознательности. Оно необходимо для развития трудовой и общественно-политической активности подрастающего поколения, для постановки и решения ряда новых этических проблем, выработки практических рекомендаций, опирающихся на результаты реализации личных планов.

Социология добилась уже значительных успехов, но, как всякое новое явление, она быстро стала модой. Можно привести множество примеров, когда люди, совершенно незнакомые с этой наукой, составляют неграмотные анкеты и «заспугуют» их в массы, называя это конкретно-социологическими исследованиями. Кажущаяся простота анкетного метода породила опасную иллюзию: якобы получен универсальный способ открывать общественные закономерности путем обыкновенного опроса. Собрал мнения — и дело в шляпе.

Курьезный случай произошел, например, в одном областном центре. Члены комитета комсомола уважаемого технического вуза представили в обком ВЛКСМ отчет под многообещающим названием «Итоги социологического исследования эстетических взглядов студентов». Из него, в частности, следовало, что студенты чаще всего читают книги И. С. Тургенева. Когда же новоявленных социологов спросили, откуда появился такой вывод, они пояснили, что из двенадцати студентов двое назвали Тургенева.

Сейчас социологи располагают довольно мощным арсеналом средств: анкеты, диспуты, социальные эксперименты, анализ документов, наблюдение. Разнообразие и точность методов позволяют собрать материал, скрывающий истинные закономерности.

Летом 1963 года радиостанция «Юность» обратилась к молодым радиослушателям с таким вопросом: «Как вы отвечаете на вопросы анкеты, предложенной Карлу Марксу?» В адрес «Юности» пришло около трех с половиной тысяч писем. Если внимательно просмотреть эти письма, выбрать ответы, данные большинством, получится довольно четкий портрет:

1. Достоинство, которое вы больше всего цените в людях?— Человечность, любовь к людям. В мужчине — смелость. В женщине — гордость, чистоту.
2. Ваша отличительная черта?— До всего есть дело.
3. Ваше представление о счастье?— Заслужить благодарность людей.
4. Ваше представление о несчастье?— Однообразие существования людей.
5. Недостаток, который вызывает у вас наибольшее отвращение?— Угрюмость.
6. Ваше любимое занятие?— Читать книги.
7. Ваш любимый поэт?— Пушкин, Маяковский.
8. Ваш любимый прозаик?— Н. Островский.
9. Ваш любимый герой?— Герой нашего времени.
10. Ваш любимый цветок?— Подснежник.
11. Ваш любимый цвет?— Красный.
12. Ваш любимый девиз?— Борьтесь и ищите, найдите и не сдавайтесь.

Наша лаборатория, в частности, пытается выяснить типичные черты, присущие молодому поколению 60-х годов. Данные, которые нам удалось получить в результате проведенных исследований, мы назвали «Автопортретом поколения».

Чтобы выяснить, какой тип человека особенно популярен среди молодежи (в основном рабочей), мы составили анкету, в которую включили шесть условных типов-характеристик. Среди них были «Николай» — человек разносторонний, веселый, мастер своего дела. Девушка «Марина» — хорошая работница, веселая, общительная, но не знающая, как продолжить учебу — ее образование 6 классов. «Сергей» — хороший работник, для которого главное — заработок. И так далее. Предлагалось отметить того, кто кажется наиболее привлекательным. Из 2 035 опрошенных большинство (1 345) назвали тип «Виктор»: «Работает (учится) очень хорошо. Ряд товарищей готов пожертвовать личным благополучием. Непримирим и несправдливый. Всегда добрит дело до конца, чего бы это ему ни стоило. Самодиректор, скроман, тактичен. Любит спорт, общественную работу, стремится быть в гуще жизни. Не терпит равнодушных людей». В этой характеристике, как вы видите, нет лишнего. Всегда все поживает его непримиримость и честность. Четырнадцать человек отдали свои симпатии «Максиму» — любителю легкого и красиво пожить, взять от жизни все, что можно: деньги, так же как и другие, сумевший ритм своего века. Правда, когда мы поближе познакомимся с этим типом четырнадцатого, оказалось, что лишь двое из них действительно полностью разделяют взгля-

ды «Максима». Остальные же 12 человек придерживаются другого взгляда: главное — работа по душе, но не деньги и не в личных интересах: о заработке, квартире.

В юности человеку особенно свойственно стремление максимально себя проявить. И очень важно, чтобы эта настроенность не разрядилась в пустоту, не расстрелялась на мелкие дела. Выдающийся педагог К. Ушинский писал: «Довольствуйтесь всем желанием человека, но отнимите у него цель в жизни и поостереитесь, каковы несчастным и ничтожным существом явится он. Цель в жизни является сердцевинной человеческой достоинством и человеческого счастья». Постановка цели должна быть дополнена планом ее реализации, иначе цель останется несуществующей.

Первое, что сразу бросилось в глаза при изучении жизненных планов молодежи, — неразрывная их связь с профессиональным образованием. На вопрос социолога «Что вы должны сделать для достижения своей цели?» 10 576 человек из 17 446 опрошенных ответили: «Учиться». Это значит, что больше 60 процентов опрошенных связали осуществление своих идеалов с повышением образования.

После посещения нашей страны главным редактором журнала «Голос молодого поколения», издаваемого в ФРГ, писал: «Во посещение 10—20 лет в Советском Союзе происходит новая революция — революция образования. «Учеба» — волшебное слово для молодого поколения. Я не встретил в Москве молодого человека, который бы не учился или собирался учиться».

Что же для нашего общества это вполне закономерно: высшая человечность в том, чтобы создать такие условия, при которых, как говорил Маркс, каждый, в том или счастлив, имел бы возможность беспрепятственно развить свое дарование.

Система образования определяется потребностями общества. И чем больше будет знать молодежь об этих реальных потребностях, тем меньше будет недоразумений и разочарований при выборе будущей профессии. Ведь юношей и девушек надо привлекать не просто к труду, а к труду, необходимому обществу. Первые шаги внеурочного школьника обычно направлены в девять вузов. Но девять вузов открываются только для 450. В прошлом году школу окончили 2 миллиона 700 тысяч человек, а в вузы принято только 874 тысячи. В будущем, с введением обязательного среднего образования, этот разрыв будет увеличиваться. В 1970 году школу окончат более 4 миллиона юношей и девушек, а вузы смогут принять только 940 тысяч абитуриентов. И так, при первой же попытке реализовать свои жизненные планы молодой человек сталкивается с серьезными проблемами.

И, очевидно, здесь ему на помощь должны прийти специалисты, глубоко изучившие планы молодежи, способные подсказать выход из трудной ситуации. От правильности и своевременности такого совета может зависеть вся дальнейшая судьба юноши или девушки.

При первом анкетировании из 2 035 опрошенных абсолютное большинство ответило на вопрос о наличии жизненных планов утвердительно. И только у 65 человек таковых не оказалось. При вторичном опросе 2 200 человек заявили, что у них 9 человек не смогли назвать свои жизненные планы. При исследовании оказалось, что планы нет у рабочих с низким образованием (до 6 классов), у тех, кто nigdy не учился в вузах и в основном до 25 лет. Очевидно, эти группы молодежи требуют особого внимания со стороны администрации и общественных организаций.

Мы включили в анкету вопрос: «Что прежде всего вы хотите сделать в жизни?» 47 человек ответили: «7,6 процента опрошенных включили в свои ответы пункт: Иметь интересную, любимую работу; 71,4 процента — любить и быть любимым;

53,6 процента — пользоваться уважением окружающих; 51 процент — всегда иметь цель жизни; 47 процента — приносить пользу людям; 36,7 процента — иметь отдельную квартиру; 26,5 процента — иметь деньги.

Результаты второго опроса оказались сходными. 60,6 процента назвали в своих анкетах как необходимое условие счастья любимую работу; 59 процентов — высшее образование; 57 процентов — путешествия; 54,8 процента — создать хорошие жилищные условия; 54,9 — добиться хорошего материального благополучия; 43,7 — повысить квалификацию; 43,2 — найти верных друзей; 41,8 — воспитать детей настоящим людьми; 41,5 — встретить любимого человека.

Как в первом, так и во втором исследовании молодежь относит в свои жизненные планы первое место интересной, любимой работе. Только 72 человека из всех опрошенных считают, что «хороша любая работа, если она хорошо оплачивается». Впрочем, проблема интересной работы гораздо сложнее, чем может показаться с первого взгляда. Даже само понятие интересности воспринимаем человеком по-своему. Одному близка всего непрямая умственная работа, другому — монтаж сложного прибора, третьему — воспитание детей. Есть и другая сторона вопроса: общество пока не в состоянии предоставить каждому специальность, которую он выберет, которая ему по душе. Приходит, например, паренек со средним образованием в цех, и его ставят обтиратель винти-болтики. Пареньки неинтересно, но заводу пока нужно иметь товар (кавалерия). Противоречие между неуклонным ростом образования и потребностями общества нельзя разрешить в ближайшем будущем. Но оно может быть разрешено самим обществом: организацией труда, стимулирующей индивидуальную склонность и способности, дальнейшей автоматизацией производства и правильной профессиональной ориентацией школьников.

В юношеском возрасте застенчиво привлекают сразу несколько профессий. Какая больше всего соответствует именно такому темпераменту, характеру, одаренности? Какому из них выбрать, чтобы потом не раскисать, не чувствовать себя рабом своей работы? От того, сумеет ли юноша правильно ответить на эти вопросы, в значительной мере зависит, насколько счастливым сложится его жизнь.

Мы поставили в анкету вопрос: «Удовлетворены ли вы тем, как существуют ваши жизненные планы». 764 человека (34,7 процента) ответили: «да»; 130 (51,3 процента) — совсем удовлетворены; 42 (15,9 процента) не удовлетованы на этот вопрос; и 267 (12,1 процента) написали: «нет».

Мы стали анализировать причины, по которым не осуществились жизненные планы 267 человек. Вот довольно типичные ответы: «Не сдала экзамены в вуз (контролер ОТК 2-й фабрики офсетной печати), «не совсем правильно выбрала специальность» (старший инженер завода), «нигде не утрус» (работница завода), «мне кажется, что я не совсем правильно выбрала профессию, но что выбрать, я так и не могу решить, поэтому продолжаю учиться в этом вузе» (студентка ЛЭТИ), «все больше и больше убеждаюсь, что я в выбранный вуз не пошла» (студентка ЛЭТИ), «не люблю физику и математику» (студентка ЛЭТИ). Конечно, было названо много и других причин неудачных планов. Но неудачи, связанные с выбором профессии, были особенно многочисленны.

Тут мне хочется вспомнить набросок из публикации «Без А. Чехова» «Бездариный человек», прослухив 24 года, не сделав ничего хорошего, дал миру десятки таких же бездарных, узких

ученых, как он сам. Таينو, по ночам он переплетал книги — это истинное призвание, да еще он артист и испытывает наслаждение. К нему приходят переплетчик, любитель умености. Таينو, по ночам он занимается наукой.

Несотсутствие склонностей и избранной профессии — Большая трагедия для человека. Он теряет уверенность в своих силах, чувствует, что зря уходит дни, недели, годы. Государство же несет убытки, так как разочаровавшись зачастую приходится переучивать.

Наша лаборатория по заданию Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР изучала причины отсева студентов из 12 вузов Северо-Запада. Было проанализировано 10 тысяч личных дел отсевших студентов. В частности, выяснилось, что средний срок отсева из-за неправильного выбора специальности — около два с половиной лет. Прочувшими два-три года студент понимает, что ошибся, и уходит либо в другую отрасль, либо в другой вуз. И все-таки это лучше, значительно лучше и честнее, чем продолжать учиться в нелюбимом вузе и выйти оттуда психикой архаичным инженером, вроде того, о котором директор одного крупного ленинградского завода в сердцах сказал: «Уж лучше бы прислали на завод тону гоноздей».

Одному из В. Воздвизская исследовала в 1964—1965 годах известные планы выпускников средних школ Ленинграда и Ленинградской области. Из 1 089 школьников подавляющее большинство (82,8 процента) планировали продолжать учебу, и лишь 3,4 процента собирались пойти работать. Сведения о реальном трудоустройстве школьников, собранные Воздвизской, показали, что более половины тех, кто собирался продолжать учебу, и лишь 3,4 процента собирались пойти работать. Уменьшение просвещения и здравоохранения (хотя это и входило в их планы). Спустя полтора года после первого исследования Воздвизская взяла интервью у 30 «неудачников», не пошедших по окончании школы в избранный вуз. Выяснилось, что большинство из них все же поступили в вузы, но не в те, в которые собирались: лишь бы получить диплом, стать специалистом, а там уж неизвестно, чем будешь заниматься и где работать.

Мы беседовали с ученицей 11-го класса 200-й ленинградской школы Леной Ш. Разговор шел о выборе профессии.

— Во всяком случае, работать оператором на почте (чему я не обучена в школе) я не буду, — сказала она. — Побуду учиться на филфак в университете. Хочу стать искусствоведом.

Лена родилась и выросла в Ленинграде, но ни разу не побывала в университете, не поинтересовалась будущей своей профессией. Она даже не подозревала, что на филологическом факультете нет искусствоведческого отделения. Зато она слышала, что профессия эта интересная и модная.

Общественный престиж профессии играл для юношей и девушек огромную роль. Одно дело сказать: я студент-корреспондент или физик. И совсем другое: я товаровед или пианист. Особенно не позволяло себе обслуживания. Ее работники всегда были предметом острот для телевидения, кино и прессы. В результате сейчас мы находим горькие плоды собственной неприспособленности. Уже сейчас в сфере обслуживания надо направить в четыре раза больше молодежи, чем в сельское хозяйство, и вдвое больше, чем в промышленность.

Вот как социологи предложили выпускникам школ Новосибирской области оценить по 10-балльной системе 70 разных профессий. После анализа ответов выяснилось, что профессии, требующие низкой и средней квалификации, совершенно не пользуются среди ребят. Например, работа транспорта и связи были оценены в 5,28 балла, просвещения и культуры — в 4,82, сферы

обслуживания — в 2,63. Врачами собирались стать в 30 раз больше школьников, чем фрезеровщиками и кровельщиками. Такая установка на высшее образование и умственный труд в общем, конечно, прогрессивная, приводит в известное противоречие с требованиями жизни. Ясно, что фрезеровщиков нам нужно все-таки больше, чем врачей или космонавтов. И тут нельзя полагаться на мудрость приемных комиссий институтов: они, мол, разберутся, кого принимать, а кого отправлять вояжис. Ну, кто, чтобы выпускники школ более трезво и объективно подходили к выбору будущей профессии. Не только в таком зрениа ее этого хочут, но и с учетом не менее важного фактора: ей это могу, умею, это для по душе.

К тому же человек, претендующий на гражданскую зрелость, при выборе дела жизни не должен, очевидно, упускать из виду и такое соображение: «Это необходимо моей стране, я обязан». Самодетерминативному человеку трудно реально заставить себя возможности да и, кстати, стразнуть романтическую пылщцу с некоторыми красивыми, но малозначимыми профессиями. Здесь на помощь молодым должны прийти друзья, учителя, наблюдательные люди: социологи, педагоги, специалисты разных отраслей культуры, науки, производства.

Не так давно группа молодых советских социологов побывала в Польше. Польские коллеги рассказывали, что в их стране почти в каждом колхозе организованы консультационные пункты для тех, кто оканчивает школу. Пункты, разумеется, не дают рецептов на все случаи жизни, но посылку приносят большую.

Видно, настало время организовать и у нас при районных отделах народного образования кабинеты профессиональной ориентации. Чтобы юноши и девушки могли получить квалифицированный совет, чем им лучше заняться, в каких кадрах сейчас нуждается данный район, область, наша страна в целом. Чтобы они могли встретиться с представителями интересующих их профессий или, напротив, тех профессий, о которых они ничего не слышали. Следует, неверно, подумать о выпуске «Энциклопедии профессий» или чего-то другого в этом роде.

Изучение жизненных планов раскрывает типичные черты подрастающего поколения. Сегодня многие буржуазные социологи стремятся доказать, что молодежь морально деградирует, политически индифферентна, граждански бесконна, но духовно мифопоэтична и приспосаблива к требованиям своего века. Мифопоэтичность — это качество молодежи своего мифа. Трудно говорить о всей молодежи сразу. Но если обратиться к нашей молодежи, то объективное научное исследование показывает, насколько она далека от морального кризиса, апатичности и апатии. Наши юноши и девушки стремятся к увлекательному творческому труду, образованию, общественной деятельности. Крут не интересом, полуполитическим, эстетическим и научным, как никогда, широк. Я отнюдь не хочу сказать, что у нас растут ичтанные аскеты, не имеющие личной жизни. Молодежь, естественно, отводит в свои планы на будущее очень большое место личной жизни. Наконец, что 43,2 процента опрошенных сказали, что счастье — это иметь хороших, верных друзей; 41,5 процента — встретить любимого человека; 41,8 — воспитать детей настоящим людьми; 32 процента — создать крепкую семью и так далее. Вы, очевидно, запомните, что 54,8 процента опрошенных планируют добиться хорошего материального благополучия, много заработать, много иметь денег, машины и даже автомашину. Но это стремление к удобству, красоте и уюту отнюдь не признак утраты идеалов и духовной деградации.

Главная черта современности состоит в сочетании и мифопоэтичности стремления удовлетворить себя, принести пользу людям, во все вмешиваться, а за все быть в ответе.

А. СВЕТЛИКОВ,
управляющий делами
ЦК ВЛКСМ

Молодежные спортивно-оздоровительные лагеря. Их еще мало. Но недалеко то время, когда они будут столь же популярны, как, скажем, черноморские курорты. Молодые рабочие, строители, инженеры и ученые смогут прекрасно отдохнуть в таких лагерях, расположенных в живописнейших уголках страны.

С каждым годом молодежных здравниц становится все больше и больше. Они строятся немалым на средства, поступающие от сбора членских взносов, на отчисления от прибыли комсомольских газет и журналов.

Наверное, образцом молодежных здравниц, своеобразным эталоном станут «Жемчужина» и «Волга» — замечательные лагеря комсомола. Их проекты — оригинальные, продуманные до мелочей — создали архитекторы И. Гунст, Е. Юргенсон, О. Федоров, О. Дороболова, В. Карпухин, Д. Гайдаров, Н. Пузанова, Г. Митрофанов, В. Иванов, Ю. Тихонов, инженеры К. Виноградов, В. Новаляе, А. Иванов, Е. Васильев, А. Колесников. Строила лагерь, конечно, молодежь, а изними они получились, судите сами.

Каждый ярус домиков имеет отдельный вход («Волга»).

В лагере тридцать три различных по типу, но внешне похожих деревянных «хижин» («Жемчужина»).

Фото

Ю. МЕСНЯНИНА,
З. ВИШНЕВСКОГО

ганями и причалом. Осведа через подвесной мостик из цепей, через пролом в борту можно попасть внутрь старого парусника, опутанного сапсами, — в бар гриновского героя Виг Воя. С этого парусника виден искусственный островок, похожий по форме на корабль. Здесь «ху-клуб», здесь царство рыболовов.

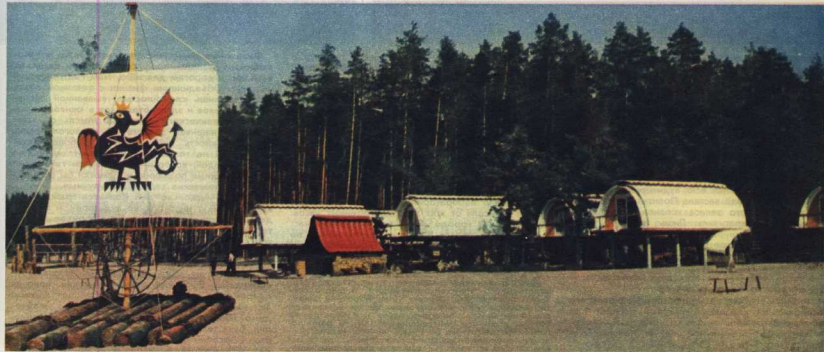
Многие другие оригинальные мелочи призваны украсить отдых в «Жемчужине». Все, что здесь построено — жилые домики, спортивные площадки, столовая, — одинаково служит и красоте и удобству. Даже миниатюрная железная дорога с вагончиками и моторезиной, оформленной под паровоз, будет в «Жемчужине» не просто вабяным развлечением. Лагерь протянулся по изгибам реки на довольно большое расстояние, и собственный транспорт как нельзя кстати.

Сейчас построено летний

См. 3-ю обложку.

ЗНАКОМЬТЕСЬ:

«ЖЕМЧУЖИНА» и «ВОЛГА»

ЗВЕНИГОРОД... Недалеко на его холмах раскинулся новый молодежный лагерь «Жемчужина». По косогору рассыпались островерхие шатровые деревянные домики «на курьих ножках», и над ними маячется, что перед тобой какой-то сказочный городок, а может, поселение Древней Русь... Но больше всего, пожалуй, эти 33 домика напоминают шлемы витязей прерасных, крепкой выходящих из испых вод Москвы-реки вместе со своим «дядькой Черномором» — двухэтажным домком впереди...

Сказочный облик этого, сложного воспринятого из старинны архитектурного ансамбля, необыкновенная тишина леса, плес реки, зеленые холмистые дали — все создает особенную, неповторимую красоту русской земли.

Национальный характер — первая особенность лагеря, внешняя его, так сказать, отличительная сторона. Но вот попадаешь на территорию — и поражает обилие замыслов и находок архитекторов, художников, оформителей. Разные времена, народные традиции и даже литера-

турные герои нашли отражение в облике «Жемчужины». Вон за поволокой виднеются развалины старой крепости. Вот волеер певчих птиц — «Соловиная роща». Покрывает крыльями старая стелная ветряная мельница с оовременным баром внутри. Декоративный водоем вполон крупной озерной рыбы. А за ступенчатым водопадом разбиты площадки отдыха...

Целочка лотных домиков, спускается к воде, закатывается пляжем с раздалками из бутювого камня, кунальной с тобо-

Купол из стекла и алюминия обьабывает столовую, кинозал, ганцевальный зал и бар («Волга»).

Несколько жилых домиков стоят прямо на пляже («Волга»).

Река подходит к самюму «порогу» лагеря («Волга»).

С первых лет Советской власти наука стала общегосударственным делом, предметом постоянной заботы партии и народа.

Из Ташкент ЦК КПСС
30 лет Великой Октябрьской
социалистической
революции.

ВЫСТАВКА ДЕЯТЕЛЕЙ

«Мы сделали ставку на молодость — и выиграли».

Академик А. Ф. Иоффе.

Ранней осенью 1918 года в Петрограде начал работать первый научно-исследовательский институт, основанный Советской властью. Назывался он Рентгенологическим и радиологическим институтом. Вскоре возглавляемый А. Ф. Иоффе физико-технический отдел вырос в самостоятельный научный институт, стал тем знаменитым ордена Ленина Физико-техническим институтом имени академика Иоффе, средоточием воспитанников, которых были П. Л. Капица, Н. Н. Семенов, И. В. Курчатов, Ч. Д. Ландау и еще многие выдающиеся ученые, составившие славу и гордость советской науки.

«Я думаю, что за все времена и у всех народов не было физика, который бы, подобно Иоффе, вырастил такое огромное количество крупных ученых из своих учеников... — заметил академик Н. Н. Семенов. Сам же А. Ф. Иоффе вспоминал, открывая первые годы деятельности Физтеха: «Мы сделали ставку на молодость — и выиграли.»

Л. КОКИН

Когда выдавался время, студент Сергей Зилинничкин слушал лекции. Но слушался, уславленную с профессором лекцию приходилось перенести. Сергей крутил рукоятку телефона, звонил декану электротехнического факультета. «Я на лекцию не могу, — говорил он. — Мне надо в город, по институтским делам». «А куда съездишь? — спрашивал декан. И студент называл день и час: профессор был человек свободный, а студент — занятый и составлял на лекциях половину аудитории. Впрочем, у другого профессора он составлял все аудитории целиком.

Зима 1918/19 года застала Политехнический институт без всякого запаса топлива, занятия со студентами прекратились. Лишь в лабораториях физиков теплилась жизнь. Да еще рядом — в лабораториях электротехников. В огромном здании это — единственное живое крыло. Желание ученых объединиться естественно. Физики и техники — на этих двух ногах выходят они на общую научную дорогу.

«Физик» возглавляет профессор Иоффе, в его распоряжении сдавленный учебный кабинет при кадрах физики и несколько сотрудников, первичные экспериментальной задачей которых становится устройство в обмен комнаты пече-буржук с трубой, выведенной в окно. «Техник» берет на себя инженер Чернышев.

Зачастую ценность опыта зависела от точности измерений. Далеко не всякий прибор можно было сделать в собственной мастерской. И поэтому, в Политехническом институте существовал «Музей приборов». Они предназначались для ученых, в крайнем случае, по возможности для учащихся без большой охоты. Особенно Петру Каллице, который нередко разбирал их для своих установок. И хотя тефты, это обстоятельство не смущало музеевонного преподавателя. Вообще тот считал, что Иоффе набрал подозрительных учеников.

Добылись науки, многие из которых стояли не было топлива. Сергей Зилинничкин, секретарь хозяйственного комитета, с мандатами в крупных пакетах обходил окрестные заводы — Сименс и Гальске, Эрнесто, Гейслера. Ходил пешком в город, в совхозы. Посланника встречали приветливо и старались помочь, что сам мог. Этого мальчик был вестником жизни.

Научные семинары можно было проводить днем или в крайнем случае при керосиновой лампе. Работать же в лабораториях по электро-технике или рентгеновскому излучению без электричества было невозможно. Так давали часа два-три в сутках, поздно вечером: эти драгоценные часы Сергей проводил на аккумуляторной станции электромеханического факультета. В стационарном помещении свирепствовал мороз, полти как на улице. Доскокло до минуса четырнадцать. Но, пока шла работа, Сергей умирался читать: он ведь был на третьем курсе.

Энергии, запасенной в аккумуляторах за два часа, хватало лабораториям на целый день: вся работа зависела от этих двух драгоценных часов. Между тем в городе авали командантский час: к Петрограду являлся Юденич. Ходить ночью по улицам запрещалось, и Сергею пришлось обзавестись таким документом:

«Удостоверение.
Выдано мне удостоверение пратниканту Государственного Рентгенологического и радиологического института Сергею Иларидиновичу Зилинничкину в том, что ему приходится оставаться для производства научных работ в Лабораториях Государственного Рентгенологического и радиологического института до 1 часу ночи и только после этого времени возвращаться домой. Это вызвано теми обстоятельствами, что вследствие недостатка топлива, лаборатория института имеет электрический ток только с 10 часов вечера до 1 часу ночи. Ввиду этого Государственный Рентгенологический и радиологический институт просит соответствующие власти и организации не считать прегрешателем вышеупомянутого института его поздние возвращающиеся домой после научных работ.

Президенту Института профессор Иоффе.
Секретарь Боголюбовский».

Патрули в ночном городе, изучив бумагу, козыряли Сергею.

Профессор Иоффе нередко читал лекции в просторном кабинете своей квартиры. Студенты жались друг к другу, дрожа от холода. «Как-то приходил и Абраму Фадоровну на лекцию, — вспоминает академик Кондратьев, — удивляюсь, что такое: в квартире тепло. Оказалось, ему в день рождения преподнесли вазаку дров...»

Физико-математический факультет стал вторым любимым местом профессора Иоффе, не менее важным и дорогим для него, чем Рентгеновский институт. Обсуждения физики с техникой не было лишь случайностью, вызванной соседством физики и электротехники в «живом» крыле Политехнического института. Мысль об этом Иоффе вынашивал задолго до «железного» крыла. Промышленность настолько требовала участия в ней не только специалистов-техников, но и таких людей, которые бы обладали глубокими теоретическими познаниями и смогли бы рассмотреть технические задачи как научные.

Пройдет несколько лет. Кончится гражданская война. Оживут институтские аудитории, и в преподавании освещать светлые стороны теории Политехникума займутся молодые люди, одержимые жаждой науки. В их рядах постепенно сформируется неслыханный союз: в нем появятся высший теменущий человек в отличие выглаженном костюме и некрамзляном воротничке. «Куда поспевают?... Печенью?... «Студент!»... Выслушав ответы, высший человек непременно переводит разговор на физику; его, именно его, в первую очередь его необходимо заниматься! Она, физика, основа инженерии, база техники, в ней ключ к пониманию природы! Высший человек будет агитировать за физик, и приверженцы паровых котлов и электрических машин, и даже ментавины-корабли усоятся в своих привязанностях, а когда, в итоге, придет завлечение на физиках, встретит их в кабинете декана тот самый инженер. Здесь, в кабинете, профессор Иоффе станет разговаривать куда строже. «Вы хорошо продумали? У нас трудно учиться, вообще это и так, и так поспевают, обещают, какие омониче, остаются немыми...»

«Нашим» — значит не бисрылым практиком, но и не рышарем чистой науки, подобным большинству университетского физикаго того времени. «Наш» — это некий синтетический тип инженер-ученого, способного обаять то, чего не делал никто». В своих разных областях физики. Всею жизнью апала Иоффе привлекал молодежь своим широтой. В Рентгеновском институте тематикой, близкой ему самому, занимались лишь две лаборатории. Остальные двигались в направлениях, не совпадающих с научными интересами апала. Но эта какующаяся центрированность уравнивалась у

Директор Физико-технического института А. Ф. Иоффе (в центре), его заместитель А. А. Чернышев (справа) и помощник директора Н. Н. Семенов. 1924 год.

Семишар А. Ф. Иоффе. Вместе с другими его учениками на этом снимке Н. В. Курчагов (сидит крайний справа), М. В. Классен (рядом с Иоффе), Я. И. Френкель (стоит позади Иоффе). Конец 20-х годов.

На фотоснимке конца 20-х годов Н. Н. Семенов со своими учениками: В. Н. Кондратьевым, Ю. Б. Харитоновым, А. Н. Шальниковым.

Их дружбе почти полевая. Академики Н. Н. Семенов, Ю. Б. Харитон, В. Н. Кондратьев.

электроников и радиофизиков, у твердотельцев, рентгенистов, физико-химиков некоей центрированностью. Их цель — новое, еще неизвестное, что, чего не знает никто. И уж ни за что они не стесняются обращаться к задорной науке.

Но осенью 1919 года, когда на новом, физико-механическом факультете начались занятия, все это было еще вперед. Для начала дела старались привлечь на физике лучших профессоров. Настоящей приглаша академиком А. Н. Крыловым, одного из основателей Политехнического института, Иоффе писал ему: «Глубоко уважаемый Алексей Николаевич! Вашему участию в факультете мы придаем чрезвычайно большое значение, надеясь, в будущем, быть может, преобразовать систему инженерного образования. Правда, дальнейшие дела будут зависеть от способности обучения, которые мы собираемся ввести...» Экспериментатор оставался одним собой.

Лабораторные занятия по физике на первом курсе нового факультета вел Николай Николаевич Семенов, он же преподаватель Семенов-физик, бывший Семенов 1-й. Вопрос о том, как его называть, разбирал в своем заседании Совет Политехнического института.

«...Слушали: о недоразумениях, возникших вследствие того, что в числе преподавателей института имеются 2 лица с одинаковыми именами, отчествами, фамилиями — Николай Николаевич Семенов. Поскольку приняты полные числительные предимья 1-й и 2-й оказались неудобными, постановили: фамилии преподавателей Н. Н. Семеновых сопровождать впрямь обозначениями их специальности, а именно: «Николай Николаевич Семенов-физик», дониме Семенов 1-й, и «Николай Николаевич Семенов-математик», дониме Семенов 2-й».

Это недоразумение добавление к фамилии было делом столь же увлекательным, сколь рискованным — студенты на собственном опыте убеждались в справедливости этого распространяемого мнения. Иоффе давал трудные задачи из разных отделов новой физики, и студент садился в дальние плавание. Вперед ждала неизвестность; то ли новая земля, то ли пучина морская... Упорству Семенову пришлось хлестнуть горь. Полверситу Семенову пришлось хлестнуть горь. Полверситу Семенову пришлось хлестнуть горь.

Готовить дипломную работу у Иоффе было делом столь же увлекательным, сколь рискованным — студенты на собственном опыте убеждались в справедливости этого распространяемого мнения. Иоффе давал трудные задачи из разных отделов новой физики, и студент садился в дальние плавание. Вперед ждала неизвестность; то ли новая земля, то ли пучина морская... Упорству Семенову пришлось хлестнуть горь. Полверситу Семенову пришлось хлестнуть горь.

ра года он добивался в своей установке знаменитых результатов. И безуспешно. Уплыл член гот был пойти ко дну, а учитель не торопился спасать: «за учню, он никого не вытаскивал. Но это не разочаровало — спасательного круга учитель не протянул, но держался на равных, как с настоящим ученым, с коллегой, обсуждал результаты. Когда осенью 1916 года Иоффе принужден был оставить университет, Семенов (после полутора лет сизифова труда) следом за учителем переехал в Политехнический институт. Правда, тема, взятая им для диплома, лавры принесла не ему...»

Первый советский и третий — после Мичуринского и Павлова — русский ученый, отмеченный Нобелевской премией, Семенов, получав ее спустя сорок лет. «За его работы в области изучения механизмов химических реакций», — было сказано в решении Нобелевского комитета. Лавраны венчают на финише, не на старте, и поэтому мало кто вспомнил, с чего ученый начал эти свои работы. Если бы премии выдавали на старте, Семенов по меньшей мере был дважды Нобелевский лауреат — даже если не считать дипломной работы, когда он долго мучился с темой, которая принесла нобелевские лавры Джозефу Франку и Г. Герцу (в 1926 году). Ведь вскоре вместе со своим другом Катинцев и Харитоновым он попытался голландской зимой двадцатого года наладить работу, которая привела к славе обогатившего их Отто Штерна (Нобелевская премия по физике 1934 год). И, наконец, его собственный путь. Он оказался длинным, но и у дальнего плавания есть начало — студенческая работа у профессора Иоффе в лаборатории Политехнического института «О столкновении электронов с молекулами (Петроград, 1916 год). Из этого студенческого труда, как из зародыша, с годами развилось учение о цепных реакциях, важнейший раздел химической физики.

Но тогда, в 1920-х, когда преподавателем Семенов-физик вел лабораторные занятия на первом курсе физика, даже самый проницательный прорицатель не предсказал бы 24-летнему преподавателю его научной судьбы.

На лабораторную работу полагался 4 часа. Через час и преподавателю подбегал чертвяк — Шура Шальников: «Я сделал! «Берите вторую!» — не отрывая от книги, которую читал, отрывав

вал Семенов-физик. Проходил еще час, и маленький Шальников опять возник перед ним: «Я сделал!» «Берите третью». Вскоре студенты стали получать ключ от лаборатории, а вместе с ключом заверения, что Шальников им покажет, как и что делать. А маленького перенуринка Семенов-физик пригласил на работу в Рентгеновский, к себе в лабораторию электронов явлений, где уже работало несколько студентов: Вальтер, Харитон, Кондратьев...

Студенты физмеха быстро осваивались в научных лабораториях. В этом смысле мало что изменилось, когда рентгеновцы переехали наконец на Политехнического в собственное здание по соседству. Разве что вместо прежних двух минут по маршруту институт — факультет стала занимать минут пять-шесть. Все новые волны мальчишкова вступают в Рентгеновский, и вот уже институт зовут не иначе, как детским домом». Или «детским садом».

«Вместо чинного, было попасть в число счастливанцев, работающих в Рентгеновской», — вспоминает о том времени академик Никонов, — «но отбор происходил весьма тщательно. Наконец моя мечта осуществилась... мне, студенту второго курса, было предложено работать в магнитном отделении. Буквально в любое время можно было встретиться там физико-механиком...»

Знойным летним полднем, когда в голове от жары каша, а с такою начинкой тяжело заниматься наукой, стайка физиков выпаривает на институте и по Яшуньму переплуту напрямик через лес торопится в Озерки купаться. Зато к вечеру, когда жар спадает, инстинкты натуры сил оторваться от дела, особенно жалко оно ладится.

Очнувшись, вдруг обнаруживали, что за окнами ночь, что травяной не ходит, и устранившись возле себя установок подырает в креслах.

Как-то раз поздно вечером Иоффе вздумал демонстрировать институту иностранному гостю. Распахнул дверь по соседству со своим кабинетом, уверенно нашел выключатель, щелкнул и, обернувшись к гостю, начал было по-английски: «Вот здесь, производится...» Начал, но не докончил. Когда посредине фразы он снова взглянул в

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С ПОЭТОМ

Моя землячка Неонила Носок — студентка Львовского политехнического института. Она готовится стать инженером, но на студенческих олимпиадах выступает как поэтесса. Стихи ее отмечены искренностью и непосредственностью, свежестю восприятия и ясностью поэтических образов. В них звучит аполлоновская любовь к родной истории, к природе, к свершениям сегодняшнего дня. Неонила делает первые шаги в поэзии. Предлагаю, что это шаги уверенные. Добро ей путь!

Иван СТАДНИК

Неонила
НОСОК

КАМЕНЬ КОЦЮБИНСКОГО

Над Бугом древним, что течет без края,
по Украине, солнцем залитой,
среди лесов — в их плавнях утопая —
есть камень завывающий и слезотный.
— Ты здесь бываешь когда-то, в голубой
лесной тиши, в глухом краю
пером бессмертным и чеканным
словом будил людей и вел их за собой.
С тех пор, шума, как вселенские
воды,
над Украинной
годы протекли.
Сбылись мечты, и канули невзгоды.
И не узнать родной моей земли!
Сдае весенней изменой одежды.
Гремят в листья над Бугом соловьи.
И вновь будит
старый камень этот
хранить народ—
Под плеск речной струи
сודה идут крестьяне и поэты —
твоем потоком, правнучки твои!
И льется несиа над родным
гнем радости, и счастья, и труда—
...Ирнуть тропя
по мыслям косягорам,
дымятся травы, и звенит вода.

над Украинной
годы протекли.
Сбылись мечты, и канули невзгоды.
И не узнать родной моей земли!
Сдае весенней изменой одежды.
Гремят в листья над Бугом соловьи.
И вновь будит
старый камень этот
хранить народ—
Под плеск речной струи
сודה идут крестьяне и поэты —
твоем потоком, правнучки твои!
И льется несиа над родным
гнем радости, и счастья, и труда—
...Ирнуть тропя
по мыслям косягорам,
дымятся травы, и звенит вода.

над Украинной
годы протекли.
Сбылись мечты, и канули невзгоды.
И не узнать родной моей земли!
Сдае весенней изменой одежды.
Гремят в листья над Бугом соловьи.
И вновь будит
старый камень этот
хранить народ—
Под плеск речной струи
сודה идут крестьяне и поэты —
твоем потоком, правнучки твои!
И льется несиа над родным
гнем радости, и счастья, и труда—
...Ирнуть тропя
по мыслям косягорам,
дымятся травы, и звенит вода.

ЛУНА ГОВОРИТ С ЗЕМЛЕЙ

Полночный час. Во аркане синем
лунный и светится Луна—
Она не то, что звезды, она
ближе нам и понятна мне!
Там, в лютном холоде, в пыли,
пока ливеньным огнем,
густо поспевшая Земля—
ранета, созданная нами.
Связь сумрачные, ледяные
просторы космоса, в ночи
летят на Землю поэзияне...
Ты слышала,
как Луна звучит!
Она зоват нас, ждет, и в муке
и нам таувет ее лучи —
лучи, как теплые руки...

Перевел с украинского
И. ДЕМИН

ИЗ НОВЫХ СТИХОВ

Григорий ГЛАЗОВ

Ведунки

Пожула степь.
День плавалась, звеня.
По льнозв из безрешного края
он гнал, упрямый саванной, копы,
под бородой испарину стирая.
Колыцута горяча.
И нет воды.
И меч с червальной рукояткой тяжел.
Сжимая спаренную узду,
перемеху от выжженного овражка.
Ни тучки.
Ни случайного леска.
Линь сусалив похвастывали тонко,
да напавшая в бочку у раската,
бульжигной набухнула, селенка.
Устало подкасака на бегу,
коть замер вдруг,
как будто встрелся ступе.
Стоял он на шуршащем берегу,
с припухлым губ ровная густо пелу.
И всадник вздрогнул,
встав на стремена:
в его тяжелом, восполнованном взоре,
сверкая гробием, пронеслась волна,
вершере в жизни отозвучало море.
Оно лежало, странно шевелась.
Казалось, в нем сейчас Перун очнется.
Но ведьла лезтия, радостно смеясь,
что Русь и здесь его костром начнется.

Миргород

А ночь все ближе напозвала
из белых вымерших пустынь.
Отныне недальнего вокзала
озориво асметрировались в степь.
Мороз бессмыслен глазами
к окну вагонного ирника.
Вот поезд скрипнула тормозами,
и спидней Миргород возник.
Его вокзал на черной стуже
была белым выделом пером.
И шапку завязав потуже,
и спрягнув в холод, на перрон.
Ларек.

Консервы.
Сыр.
Горчица.

Весь колеблется спена,
и замерзает продавица,
на пальцы синие дыня.
Но вот зашуршающий покатом.
И чей-то давний взгляд сердит:
в цементном кресле мрачней
над прежней душою сидит.
Простовольный и без шубы,
иварским светом заметен,
поджак орудом тонко губы,
кого-то слухом ловит он.
На окных надежде сусалин.
Пар у дверей, как лед, взлялся.
Промель Вакула и Оксина,
в чутке морозный дымкн.
И Гоголь уловил асодко,
как в том куте,
в чужом кутру
врет Хлестакотк о важном складно
и числит Чичиков дельцу.

Гоголь

Когда я из окна вышла,
чтоб май увидела вилку,
когда уверена, что выжля,
и каску подала в траву;
когда мы явил свирт устало
за этот дель,
за этот час,
и ронтаряд хототала,
и сонный палка,
не таясь;
когда озонный гром ударял,
когда о том, что в мире — мур
открытым текстом кто-то шпирал
в забытый шифрами эфир,
когда проспекты и предместья
в честь нас салютами звала,

Эпюд

Грозу в дождь
сплоскал к лесу,
туда, где свисел шрам зари.
А здесь

испарину завесу
проткнул желто фонари.
Еще свисла
лужи важно.
Еще асфальт
был свеж и чист.
Еще вышны
баскетки выжжико,
и вздрогнула
промокнувший лист.
Но быстро просыхали зданы,
и покот каблукот кречла.
И кто-то,

горопася,
свадьняе
из автомата назначла.

Вы, девушки,
не отвернитесь

от тех стенок,
что про войну.
Их пальцем розовым кошитесь,
не ставьте автору в вину
перерывный хлпикот,
тешулки,
продаттестаты,
черный лед,
костер —

где талочных пиналушки —
на колючих смирнелых болот.
Он жва и видел только залпы
и ружуа
в собственную кровь...

Уж я-то знаю,
как писал бы
он вам,
девочки,
про любовь!

Минута

Ушла, как иглока в сено,
минутой из моей руки.
Не дрогнула сметено стены,
не кывала траурно гудки.
Никто не оглянулся даже.
Впрок не подала ее тогда,
как неземную прожляу
в дому, где шум и суета.
А я курва.

Колемчи дыма
старался выполнить точней.
Перешагул ее.

И — мимо.
Я тоже был не нужен ей.

Но, может, на пределе где-то
мне не достать в час беда
в последний раз минутой этой,
чтоб дотронулся до воды,
чтоб встать с колен без

посторонних
и, веря жесткому шелку,
успеть послать патрон в патронник
и прорезь поднести к заряду,
чтобы и отпу в его кончику
успеть, потронулся от вымы...
О, как вы мам, величаны,
и как жестоко вы точили!

мы не о мести —
о возможде
речь убежденную вем.
Шла год...

Новые созвездия
открыты в тишинах ночей.
Но холит по Земле Возмездье
все с тем же синиском палачей.
И как бы время их рещало,
но застят очку матерей
голодом витюк жалю
отка в пещах концлагерей.
И по вочам звучат стенания.
И страшен памит экраи.
И к мяно в нас воспоминания
болит слывае давних ран.

а темной, чуть наклонной площадке, на фоне багряного зарева, в дымке то отгремевших сражений, то ли маневров в проходе, лет вставшая матросы, осветленные белым, один к одному, как приобретенные балтийские звезды. Они вписаны на небеса не ради торжественного парада, а чтобы остаться и без призрака раскрасавца о том, как «великолепным шагом» — ритмически — вперёд — маршируют в Мришатаде и бросив прощальный взгляд на гавань, ушли на далекий сухопутный фронт... — рассказывает о том, как «Свободный анархорезолюционный отряд» был превращен в Первую матросский полк регулярной Красной Армии, о том, как «Бизнес с Баварцами» и погубили за власть Советов, за счастье живущих на земле. Пока изживает насек от поминков. Он предлагает жить молча по-чужому, постигать «чужую» в сущности, была для балтийских моринво борба и смерть».

Три с половиной десятилетия назад написал Всеволод Вишневский свою «Оптимистическую трагедию». В ее сценической истории — такие выдающиеся воплощения, как спектакли Московского камерного театра, Ленинградского академического Театра драмы имени А. С. Пушкина. Трагедия обошла многие сцены в нашей стране за рубежом, но ее сюжет написан и поставлена опера, снят анжурский кинофильм. И вставала проблема — обращение театра и этой трагедии сегодня, безусловно, оправдано. В Академическом Малом театре превьера уже состоялась, спектакль идет, идет с ценными замечаниями, с шумным успехом.

Как нам же привлечь зрителя эдак уже известная ему история? Тем новым, что открыла в трагедии театр постановщик спектакля Леонид Викторович Варнаковский.

Одноу актуальную историю принадлежит выражение: «Мало слыть слышать его. Сегодня зрители — и особенно молодые зрители — хотят услышать в прологе своего народа, увидеть в живой реальности тех, кто молча руками, своим сердцем и умом творил величайшую революцию, утверждая в жизни лучшее из человеческого. Они жаждут понять психологию своих отцов и детей, современную дилемму их душ. Этому обстоятельству интерес и отвечает спектакль Малого театра. Он рассказывает прежде всего о людях Революции, пытаясь разгадать, что привело их на путь борьбы, в чем их истинная боль и истинная вера. Но, как все новое подлинное произведение искусства, театральная история — спектакль этот мечен двумя датами: годом, когда происходит событие, и годом постановки спектакля. И годом постановки

никогда не подделывалась, одевалась хорошо, манеры были хороши... Очень активная, напряженная, напористая и очень простая».

Именно такой предстаёт Комиссар в исполнении Руфина Нифонтова. Она происходит на корабле в элегантном дорожном платье, в шляпке, с чемоданчиком в руке, морщинчатой, подтянутой, истинная петербургская интеллигентка, скорее всего недавняя курсыстка-бестужевка. От всей ее фигуры исходит ощущение покоя, ума, величия, невинности; она кажется такой неуязвимой на этом корабле, среди людей разболтанных и грубых, уверовавших в свою исключительность, в то, что «раз революция, все достигнуто». В первой мгновенности она действительно терпит под шквалом солевых шуточек и циничных непристойностей, она кажется беззащитной перед жестокой подлостью и звериной распухлостью. Но тут-то и проявляются качества, которыми обладали «нагие» русские интеллигенты-большевики — находчивость, решительность, собранность, умение

СЛАВЯН ПОСЛЕК СЕРВЫ

мгновенно ориентироваться в обстановке. Выстрелом из револювера укладывает Комиссар бросившегося на него бандит и этим сразу определяет свое положение в отряде.

На сценатаи, казалось бы, несоместимых в одной характере контрасты — невинности и мужества, силы и слабости, аналитического ума и сердечности, воли и помыслости — строит Р. Нифонтова свою роль. И что замечательно, ее Комиссар не с полным приходом она по жизни и под влиянием этой жизни взрослеет, мудреет, многое открывается ей в людях, и в них находит она подтверждение своим убеждениям.

Вот с какой женщиной столкнулся Волян.

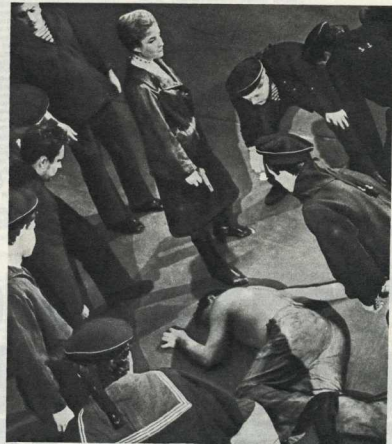
Волян — Михаил Царев — истинское открытие театра. Во все приемные постановки Волян представлял олицетворением грубой физической силы, этанкой власти кулака. Но театр вычитал в текст трагедии и обнаружил возможности для иной, новой трактовки этого образа. Мы видим на

сцене покаянного человека, не очень здорового, в очках, прилично одетого и вполне благоприспособленного на вид. Он говорит тихими голосами, и его речь его манеры свидетельствуют о том, что он человек образованный. Это не «морской волк», выдвинутый в руководители матросской мажоры, а революционер-профессионал, как сказал о нем Волян: комиссар от анархистов. У него за плечами годы революционной работы, подполья, царской тюрьмы, которую он отбывал как агитарный вопрос, и именно на этом, на умении убождать и вести за собой людей, а не на кулацкой силе дермится его авторитет.

Волян Царев более всего страшен тем, что, проназав «правильные слова», он как будто бы томе за революцию, за свободу. Только свободу он понимает весьма своеобразно, как свободу для избранных, для «руководства» — таких, как он. И во имя этой «свободы» он будет умирать, подлаывать, дергать в страхе и пономинировать других людей, «массу». На словах он против всякой власти, а на

«МАТРОСКИЙ ПОДК, ПРОШЕДШИЙ СВОЙ ПУТЬ ДО КОНЦА, ОБРАЩАЕТСЯ К ВАМ, — К ПОТОМСТВУ».

(Первый ведущий — артист Е. Буренко, Второй ведущий, заслуженный артист РСФСР Г. Карноевич-Валу)

«— НУ, КТО ЕЩЕ?»

(Комиссар — народная артистка РСФСР П. Нифонтова)

нули устои прежней жизни, он мечтает в поисках своего места в этой борьбе. Еще до прихода Комиссара он ощутил личност и неадекватность Вокана. Но только Комиссар — своей убежденностью, личным примером — полагал ему, обрести положительный идеал и веру в жизнь, в людей.

«В «Оптимистической трагедии» большой кусок моей жизни, — писал Всеволод Вишневский. — Это были незабываемые годы и не потому, что мне было девятнадцать-двадцать лет, а потому что впервые осознали мир человеческих времен». И сделал это, если быть исторически точными, молодое. Им было около двадцати — чуть побольше, чуть меньше — коммунисту Евгению Буренко, председателю Людмила Малинская, Председателю Института Елене Соколовской, Ларисе Рейснер, Михаилу Тухачевскому, Николаю Островскому, Арсению Гайдару — ярым бойцом Революции... И это здорово, что театр не забыл и нас об этом и вывел на сцену не солидных «дядя и тетя», а

молодые — Комиссара, Алексея, Вайониса (В. Комиссар), Беринга (А. Ларионов) — с присутствием их молодости максимализмом и непосредственностью.

«Прошла свой трудный путь с полным Комиссаром и смертью слово завершила дело жизни. Мы видим результаты ее усилий — полк людей, вырванных из мрака анархии, сплоченных сознанием революционного долга. Да, именно так жили, так боролись и умирали лучшие сыновья и дочери Коммунистической партии. Однако только лишь реконструкция истории не может быть целью произведений искусства. Никогда не взвонует зритель спонтально, в котором через проблемы сегодняшнего дня. Поэтому Комиссар, расстрелянный Воканом, но, говоря театр, не окончил бой мемуарами. Он идет и сегодня, этот бой убеждений. В них масштабный, а не локальный. В них продолжалась в этом утверждении новизна и пафос вновь поставленной «Оптимистической трагедии».

«ИМЕНЕМ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ... ПОДВЕРГНУТЬ ВОЖА К А ВЫСШЕЙ МЕРЕ НАКАЗАНИЯ...»

(Вожак — народный артист СССР М. Царев, Сильный — заслуженный артист РСФСР В. Келинсон)

ДЕТСЯ К ВАМ...

дела, для того, чтобы удержать власть в своих руках, он пойдет на любую несправедливость, предательство, преступление. Одуманные его «крайне революционные» решения, матросы подчинились Вокану, тем более, что играли он на самых низких побуждениях, разжигая подлые, животные страсти. Нелегко же было Комиссару расширить спертаную под революционной фразой подлинную сущность Вокана, его бесчеловечность, жестокость, корыстолюбие! Сколько потренировалось выведени, упорства, каменитогого трудный путь, убедить их в высокой правоте коммунистов, борющихся за свободу и счастье для всего трудового народа, понимавших, что завоевать их можно только при условии революционной дисциплины, революционной организованности, моральной стойкости!

В горнице той схватки — матрос-первой ступи Алексей, человек на своем молодом веку пошедший немало. «Он из тех моряков», — говорил о нем Вишневский, — которые в

1915—1916 годах были отправлены во Владивосток... Там попали на «Варяг», знаменитый, который был потоплен японцами у Чемульпо. Он был поднят японцами и снова продан России. Моряки этого восточного отряда судов совершили большие походы вокруг Азии, прошли Суэцкий канал, дрались при Дарданеллах, причем русские моряки шли во главе атакующей союзной державы. Матросы с «Варяга» выдвинули Азию, Африку, Европу. В конце войны попали в Америку... Оттуда в одиночку пробрался через Атлантику, через Берингов пролив в Россию. Просочился, через фронт Ювача и пришел и являлся».

Впечатления, жизненный опыт у Алексея огромны, а истины нет. Артист Евгений Весник поочередно все внешние, выигранными, что есть в роли, и постарался вскрыть внутреннюю суть этого образа. Он показал человека, мучительно ищущего правду в жизни, глубоко задумавшего над происходящим. Желая понять, что хорошо и плохо татарь, когда все сдвинулось со своих мест, когда рух-

РАСКАЗ

Рисун О. ВУКОВОЛА

тель, где поселились участники чемпионата мира, принастился на склонах холма, в таком порядке Венны.

Андрей Великов, ирландский атлет, весил под сто тридцать килограммов, грузно раскидывая по своему тесному номеру, колодных ветров и дождя, безглаголющих ночей. И с манджид днем сентябрь студил и осматривал солнце ниже и ниже и горизонты.

Долго стоял Андрей у окна. Внизу постепенно росла тень. Падал, залупылился в траве рваные листья, старательно засыпая углубку граневую дорожку. Внезапно он поймал себя на мысли, что чувства, которые излучает ему эта бескетностная картина, глубина и значительные тех, которые владеют им в спорте. Неплод искусственное и фальшивое уловил он в своем признании.

«Трушу поменьше», — подумал он. Взглянул на часы: четыре. Встал спортивную сумку и спустился вниз.

Тренер Толмачев ждал на открытой террасе ресторана. Сказал Андрею:

— Карета подана.

Они пошли и сумевшему автобусу.

Последним в автобус сел ирландец с двумя попутчиками девчонками. За их спиной он поднимал боковую панель и щелкал, мыслительно заглядывая глазами. Ирландец, Толстой финн Коски (он сидел, развалился, на кресле впереди Андрея) завистливо хохотил.

Автобус петлял по тесным улочкам. Шофер в своей куртке с двумя рядами блестящих пуговиц рычно накручивал руль.

Рядом с Андреем, нахлосив, дремал плечистый американец Антонин Дуссон. Крупные мускулы морщинились рываки его потереженного лица. Менеджер американца Клард Саймон смотрел в окно, прожывая всех встречных ищущих внимательных взглядов. Все на востере Саймон было с голодузглядом. Все на востере Саймон было с голодузглядом. Все на востере Саймон было с голодузглядом. Все на востере Саймон было с голодузглядом.

В ответ гудел вежливый басом Толмачев: «Взри, взри туда! И после паузы — неизменный в таких случаях совет Великому: «Давить их надо, Андрей! Давить на помосте! Сейчас приветствуй их! Озвись! Помойчас только на эту нелоду Бухвальдера. Себе на уме... А Монти! На всех разинках слабачком принимайтесь!»

Девятка два гривастых затылком, обладатели которых согласно правилам соревнований весили не меньше девяносто килограммов, безумство начинались над спинами кресел.

Андрей упрямой помил самов бичегас: «Мышцы даны на ощупь отвислые и комковатые». Это знало, и по телу разливалась явность. Он с беспонкойстой душой, как будто поднимать штангу. Шофер вилочка прижимил. В музыке Андрей с волнением угадал любимую «Валладу» Аз Шегера Шопена. И жажда снова прижалась фальшивой. Местная, организованная, обесцененная постоянными однообразиями забавами: с утра до ночи только мышцы, телом тренировки, только выступлений. А для остального сплывало мало времени.

Несколько раз он порывался окончательно оставить помост — и тогда чувствовал себя, глубоко несчастным.

«А что взамен? — растерянно думал он тогда. — Помой! Обширные и притягивающие! Театры и кино? Спортивная журналистика? Искусство? Духовные радости... Радости... Какие блаженные и невыразительные по сравнению с моими признаниями! На спортивную жизнь была полна забот и напряжений!»

И спустя несколько месяцев, приняв который страдал бы привычного гротоха зала, слоненых шу-

тон и грубого всеяль товарищей. Без той короткой паузы между подходами, когда они, загнув голову, оглушительно хохотали над самой незначительной остротой и покорностью друг друга по тугом жарким спинам. И соглашались с хвастливостью и тщеславием, будто тамежла атлетика — самый трудный и муштвенный спорт из классических. «Воск, Борба!» — кричал, подползая к разным. Да и тому же можно сказать, пережить. Да мало ли в зале все всякие ситуации! А уша «мелозе» всегда «мелозе». Если на штанге 220 фунтов спороваешь, то всегда 220 и вынести увертит. У тебя всегда самый сильный противник... Ха, а вонсе больше хлещут! А девяти килограммов на груди — райское наслаждение. «Мелозе» не хлещет. Ошисил или струсия — раздалось. Не помню ни одного случившегося... Хоней! А мы всеяде один на один. Никто не толкает и дельные «мелозе» — и ты. Справился как хоней. Той промах — верное поражение. Слабость или страх — тоже поражение».

В конце ноября Андрей всегда приходил и ошисил и тем же выводом.

«Разве способны все эти взамен» сравниться с надеждами мышц, со энхусом Борбы! с соперником: то немощь измученных мышц, то яростный малор и ослабительный смачет — победа! Это уже не созерцание, а ощущение всего преисполнено: Чайковский, Роден, Толстой — а тебе! Пусть в прощальных словах, но в тебе.

И внивание слова, даже созданные гением, никаким совершенством всех иных искусств не способны выразить мигу предельную: хруст связок, клевот делания, нетвердого поступка под огромной светлостью, реи кроан Уадак и разрастающиеся лезвие литно в глазах: победу или горечь, есторможетств соперник. Ты не щадил себя, нахлосил, делал невозможное, а он, твой недвидный противник, на подделате выше тебя по-хозяйски расставил ноги!

И ты в широкой улыбке причесь свое умение: много и обиду. Уме помести, а твой труд — сотни яростных тренировок, тысячи тонн! — все следит. Уничтожить. И наступление — насмешливые взгляды. Потом привыкание. Настояна игра: все или ничего. Ставка годы жидких тренировок. И победы — счастье! Единственно возможное для мелея.

Автобус выехал на основную трассу и стал набирать скорость.

«Подлость и трусость», — подумал Андрей убежденно, — всегда сравниются за пыльными словами. М. казалась бы, неопровержимой логикой. Как обычно перед сравнением на помосте, трушу слегка. Заменяю историю».

Финн Коски, цепляясь за поручня, проборлся и шоферу. Понурит руку прижимая. Ухмыльнулся, на подделате выше тебя по-хозяйски расставил ноги!

Коски увеличил громкость и помахал ирландцу. Сзади Коски раздался дружный женский визг: Массиний грей Марватта степенно оглянулся и презрительно поджал тонкие губы. Дуссон лениво глянул на Андрея и, отведываясь, снова делал вид, что дремлет. Андрей посмотрел в окно. Между домами мелькало много, закатное солнце.

Он подумал: «Месяц назад мне стукнуло тридцать восемь». Вроде и не жил, а уже тридцать восемь».

И вспомнил, какого небывалого напряжения потребовала подготовка и чемпионат. Успехом любой надвинусь, подстадела. Полноценные прогулки прогулки автобус и самым поезде...

— Где в парадней? — встретила их в раздевалке старший тренер Александр Малютин. Он в удавольствие разглядывал сабы с дельфинами. — Да! — Толмачев переложил чужие вещи с кушетки на тумлу.— Сюда, Андрей.— Попотнее, плед, водичка, растеряй — бакетка, ничего не поносите. Робота: вода не трогать!

За столом подкарауливали Бутербродкин и чаш Шептицкий и Пату Шантарин.

— Ступица! — вскрикнул придиркой Толмачев Малютину. — Он уме достать ей не знает от dica.

— Не распыляйтесь. Толмачев сиял пиджик. Засучил рукава: — спрашивайте! — Дело твоё.— Малютин равнодушно понакал печенки.— Монт уже завесились: сто сорок два килограмма. У Клеменца сто тридцать триста. Самый тяжелей этот чудак из Аргентины: сто семьдесят два! Сест — у ступа ножки в стороны. Такого проносите...

— Где наши? — спросил Андрей, вынадевая вещи из сумки. Он умалчивал оставил сообщение о соперниках без ответа. По установленной спортивной этике расспрашивать о них в день соревнования почиталось едва ли не трусостью. Их полагалось не замечать. А сам с третьей дуэлью: «Полки Клеменс и англичанин Монт резко поджали свои собственные носы — жди сюрпризов... Недаром о них столько писали. А тамнички, приемывались...

— Шубин и Южков на трибуне.— Малютин извлек из кармана пилочку для ногтей.— Сначоная я выпрошудин. Он устал, с утра от слабости шепотом изыскались.— Малютин поджал ногти на мизинце. Оттолпился, Писоваловая. Суеура пилочку в карман.— А тебе, Андрей, кроме Толмачева, никто не нужен. Старый атлет. И кому хорошед из ушастых?

— Где Голышев? — спросил Андрей. — Лепехин плечо вывихнул! Доктор Агеев с Голышевым и астрицидиз его в Больничку увезли. Андрей растерянно отложил трико. Он сидел в плавках. Волной и весел такой крепкий, чистый.

— Я не видел.— сухо сказала Малютин, заюно перемывавя перед зеркалом галстук.— Третьи подход в том числе не решил. И без того золотая медаль была уже наша.

— Сниму поздравление с победой,— сказал Шептицкий.— Заворовавай. Замусолиши. Ну и пошла расклапанная. На помосте всем улыбнется. Штанга и канкала. На вытянутых руках была и «повела». Он подлез. Печно и...

— Этот Голышев? — Малютин сразу потерял интерес к своему галстuku.— Куда смотрел!

— Не повеле.— Андрей помычал.

— Через двадцать минут парад.— Толмачев расклапан лодку дверь. В раздевалку ворвался гул.— Идея, Андрей. Не шуруй! Ботинки. На весах силеннее. Понка Великов стоял на весах, толпа судей и тренеров припринорно разглядывала его.

— Уа Форм! — саобротнее пробормотала неизвестная астриция.

— Ва Форм! — гул.— Бра-американец! пошелая Андрей по массивным бедрам. И заговорила по-совету, бесцеремонно тыкая в него пальцем. Потом суеура ему пачку невадетной резины.

Стыдись наготы. Андрей спрыгнул с весов, стал одеваться. Невадетную резину бросил в урну.

— Спасибо, товарищ.— весело сказала нанойто человек и тронул Кузнецов в плечо.

— Пилалоско, отгорам,— сказал другой и суеура в урну программист чемпионата.

Андрей раскисался. Человек, доживя пивом, обрательнее хватал его по шее. Идем, собственный вес удалось сохранить. И это уже неплохо.

Тот звывавие фанфар атлетов повели гуськом на стипу. И пошеренно выключивали, называя страну и титулы. Публика вало аллодровала. Андрей атлету немод и слепца измруженили мыш...

— Он, видел, как зритеур обсуждал накогодо из них; гриничина и Уильямов.

На стенах зала висели флаги стран-участниц. В дверях прохаживались полицейские. Суетились люди.

После парада Андрей снова идал, пропуская десята два более слабых противников. Сначала сидел с Толмачевым в раздевалке, а потом в разноименно зале. И мучился сомнениями в форме ли он! Об этом можно будет судить лишь на разномини, часа через полтора.

Идал и свеллся любой шутке, чтобы сирьте бесполокостно. Беспечность во время соревнований почиталась высшим бойцовским качеством. В жиме Андрей нередко горячился. Вышлованные движения жовались. И уже меточные, судорожные — штанга сразу утяжелялась — губили попытку за попытку. Постому Толмачев долбил на разномини:

— Выиннь все дрянь из головок! Чтд нинихих сомнений!

Андрей равнодушно, словно незнайка, бросил: — По-моему, я неплохо; мышцы подоспели. Самы прт являеюся.

— Сейчас вызовут! — крикнул из прохода на сцену Малютин.

— Работай чисто, — предупредил Толмачев.— Те двое не проважут: Андрей ивунал.

Центральный арбитром был Осип Лазутин. Он не помешает. Зато боювыми судьями, то есть большинством в «тройке», были американец и француз, ирландский тип, во всем подыгрывающий своему пристрастному юбилею.

— Пошли! — приказал Толмачев.— Не забудь, направляй лопти вдоль туловища.

На гуды штангу Андрей взял неплохо. Но Лазутин постышился с хлопком. И Андрей, не приняв толстою старта, бестолково пихнул ее. Потерял равновесие. Бессильно выронил.

Торпелно улыбаясь. Опыт научил его не провалить недоброты на публике. Ни единым жестом. В ушах стихал звон. И, обмигиваю мую, выступал пот. Огромный зал за сильней вежливо молчал.

— Зачем горячишься! — кинулся навстречу ему Толмачев.— Хлопает, не хлопает! — знай свое: шуруй! Проворонили попытку!

— Сейчас пометит,— поощебал Шантарин,— кан палочку, запросто.

«Позовони «посадил», — думал Андрей.— Начальная поедка, а будто предель Тимемеланова». Он наклонился, растягивая позвоночники. Боль в области. Такую, со страдом пилочка: «Мужики не в форме! Как тогда в Минске. И придется брать только силой! Сколько же с тем прогрессом свивалось различий неприятностей».

— Болит? — грубоваото спросил Толмачев.

— Нет.

— А почему сморщился?

— Ладно, что там...

— Писнучу «заприни», Новичков, что ли?

— Ладно, к кому застегиваю ремешок, Андрей медленно двинулся из на сцену.

— Веди «заприни»! — кричал вслепа Толмачев.— И поточнее! Вде поплотнее всего...

— Ладно, ладно,— орчал Андрей.— На гуды бы полегче, а там кан-нибуль.— Сошудился на яркой сцене.— Пондичитки ламы Чирр...

Привыкнутой к свету, так же медленно вышел на помост. Внимательно расставил ступни. Прилежно выслушал «уа-а!». Зажмурился, раскрасил мышцы и наготия то состояние легкости, когда они особенно чулки и усилюю. Постому, чуть раскрасившись, за кубовым помостом, до балкины высеченным променаторам, едва различались своде зады.

Кто-то засмеялся. Шаркнули шаги. Далеко справа нагнулась. В первых рядах не унимался естороный шепоток.

Андрей являлся за гриф. Заскочили ладоники, откардичивались и проважали, не замалывая ли. Гриф вращался превосходно. «Шведская», — подумал о штанге в одобрении. Медленно словился. Плечи немного выдвинула за гриф. «Выключил» лопти, чтоб не нарушить «титу». Коротко вздохнул в последнюю фаз. Коротко, чтоб не вызвать влодствени шок. И планоно потянул.

Штанга вздрождалась на гуды нем приваичного и выгодного положения. Задвинула исти, вытолкнула лопти за спину. «Выбился» поспичу.

Мышцы, еще не работав в нем, отдали значительную энергию. Отдали ахостую. Только на удивление еще в неудобном старте.

А Лазутин по-совету расудил неудачу Великова. И загнула лопот.

Двести килограммов на гуды. Полузадушенный Андрей оседал, отчаянно пытаясь сохранить стойку. И ждал оскаженного хлопка: «Сильно же можно держался! Осип! Осип! Смирно!»

А Лазутин подкарауливал шуринка на него и не щемелился: пусть Великов громко установится.

— Всего несильно лиших мячювоний. Никто и не заметает.

А сил для него не осталось. Андрей остревале громкую штангу на помосте. Удрученно побрел за кулисами.

— Вал толк и протряно вхнул. Репортеры жадею замешали «блиндами».

— Чинси! — что? — метнулся к нему Толмачев.— Тянн штангу ближе к корпусу,— жмуру поспешовал Малютин.— и не так шквониво.

— Теперь все за кулисами смотри толк на них... —

— Я же говорил: Лазутин — паршивый судья! — обрдавново выринулся Шептицкий.— Своих режет...

— Не трюви Осипа! — задыхался, прохрипел Андрей.— Я сам зароню старт.— Подумай, цельнее: «Неумела! «Баран!» Его подтащивала от волнения, и хотелось звать:

— Ступай! — сказал раздраженно Толмачев.— Дайте ему «собраться».

«Не вытравил шесть килограммов», — думал Андрей, глубоким дыханием восстанавливая силы и ритм сердца.— и я име труси! И буду не до конца дият своих. Веди кулисы оценю — немое труса. Вот он, позор! Видан, как валется другие. Ко-е-ному прощаю. А теперь сам. Брая не вес на прикладных, а здесь не могу! Вес привычный на тренировках — и не могу! Чтд со мной!..»

Андрей шумно и глубоко дышал. Расслабленно согнул руками. Шею пощипывали свежее ссадины.

— Столько поединков — и большой, и с травмами, и слабые соперники, и трусы! — думал Андрей. — Первый мертвый! Не успел даже схватиться — уже под штангу. Буда он-riskа, один за двоих сдается. Отчего-то чувствовал как будто синяк — вместо мягкого, спонгиозного тела тысячи тугих огненных спинок. Зато ни в чем не виноват.

И тише, так на помысте, опять навалилась на него и Штагала показал Андрей савану, а в душные места на земле, а человечность людей.

Не различая прохонки, он быстро шагнул по коридору. Боролот изменился. За ним неотступно следовали Бем и Малютин. Что это дошло? Андрей. Он подождал, не спускал. — Один глоток прохладного, свежего воздуха! И промелькнуло такое восприятие. Это — дошло? Андрей. Он слышал Андрей, в тупоносии, неуловимых движениях, куртки, штаны. Сталось. Андрей. Андрей. Андрей. Прогорелась цепь. Расплескалась, вылезла вода. Прозрачная вода парится на крепком морозе. Камный жар, подхватывая ведро, и маленький Андрей изувачило газель на ледяной стоей явучу замедленного сруб — огромную сосульку, уходящую в глубь холма. Пыльте, обертая валуны от него. Собой эховет тот и беззапно погрузился отчая, шурясь на ледяные кришаны.

Андрей спогнул взгляду слону. Прислушался и Толмачеву.

— Вспомню. Андрюша, ничего не прощует. Он сгусток воли. Он всегда победа. У него нет страха. Ты не знаешь. Не надо бояться. Не надо бояться в плохой форме. Публике безразлично. Если «барана», она свистит, топает. Сильные не жалеют. Сильные много не жалуют. Выше голоса Андрей. Андрей! Андрей! — и точна. Ну, ну, ну. Не дури. Ой! Понимаю манатеры. Да жалею, не жалею.

— Зачем я опята спугнул с «мелюзгой» — думал Андрей, послушно вдавая назад эту... Струсь... Струсь... Струсь!

Толмачев на хоху встряхивая ему набухие мышки руж. Поспешно вытарапли полотецетом сполучил горла. Буда сего. Буда сего.

— Неужели и обманулся в тебе? И ты не такой? И не даешь сдачи.

— Но ведь я не увиливаю, — поудам Андрей, стараясь ухватить. — Ты же знаешь. Ты же знаешь. Слово и под поводом и всем интересно, как я стал.

— Малютин расчистил дорожку. И он снова засадили по узкому коридору. Малютин вслух отсчитывал секунды, тридцать секунд.

— Разве это честная игра? — думал Андрей. — Раз отступился не прощай! Выше голоса Андрей. Андрей! И Толмачев жесткими, сильными пальцами помассировал затылок, отпустил затылок и подождал сполучил полотецетом.

— Стоял лишь зритель. Пустые, без отаука взгляды.

— Даже не травяные, — поудам Андрей, стараясь ухватить. — Ты же знаешь. Ты же знаешь. Слово и под поводом и всем интересно, как я стал.

— Малютин расчистил дорожку. И он снова засадили по узкому коридору. Малютин вслух отсчитывал секунды, тридцать секунд.

— Разве это честная игра? — думал Андрей. — Раз отступился не прощай! Выше голоса Андрей. Андрей! И Толмачев жесткими, сильными пальцами помассировал затылок, отпустил затылок и подождал сполучил полотецетом.

— Стоял лишь зритель. Пустые, без отаука взгляды.

— Даже не травяные, — поудам Андрей, стараясь ухватить. — Ты же знаешь. Ты же знаешь. Слово и под поводом и всем интересно, как я стал.

— Малютин расчистил дорожку. И он снова засадили по узкому коридору. Малютин вслух отсчитывал секунды, тридцать секунд.

— Разве это честная игра? — думал Андрей. — Раз отступился не прощай! Выше голоса Андрей. Андрей! И Толмачев жесткими, сильными пальцами помассировал затылок, отпустил затылок и подождал сполучил полотецетом.

— Стоял лишь зритель. Пустые, без отаука взгляды.

— Даже не травяные, — поудам Андрей, стараясь ухватить. — Ты же знаешь. Ты же знаешь. Слово и под поводом и всем интересно, как я стал.

— Малютин расчистил дорожку. И он снова засадили по узкому коридору. Малютин вслух отсчитывал секунды, тридцать секунд.

— Разве это честная игра? — думал Андрей. — Раз отступился не прощай! Выше голоса Андрей. Андрей! И Толмачев жесткими, сильными пальцами помассировал затылок, отпустил затылок и подождал сполучил полотецетом.

— Стоял лишь зритель. Пустые, без отаука взгляды.

Гав морни этих «почему»? Вырублю их в себе. С ними больше нет.

Честно! Вырублю. Гает Гает. Только бы итаться! Про Толмачева надо быть грубее. Тогда проче. Много проче...

«Все!» — сказала Толмачев. — Теперь или никогда. Ладно.

В груди по-прежнему было пусто. Обреченно денулся на сиану.

И в камне внутри стлила чужд требоваельный и назлоию повторемый возгас: «Монт от раваки хочотеч».

Будов безмемч сть выстроился зрители, тренеры, атлеты. Со всех сторон збоние платна с недовоением транслируе — газлазави.

И с каждым шагом приближалась расплата — нулевая оценка. Андрей не знал, за что расплата. Не успевала гвардия. И назалас себе боюльи, слабым.

Шагнула на сцену. Ослепая резной промониторный свет. Замирались, отпринув. Уловил движение в зале, вызванное его движением. Попарив. И еще не могте радоваться. Нет больше чемпионки Великова. Есть трус Великов». Полагаю, что этого слова взбудоражит его ошечье.

Направился к ящичу с магнелней. «Последняя попытка», — думал он, исполняя огладывальную. — И целая жизнь сманется позором поражения из-за трусости. Нулевая оценка — икверно трусу. Сам любия повторит это и назидание новичанки.

И двадцать восемь перондов — уже двадцать восемь Седельных насилый над собою. И дендцать лет выступлений — дендцать лет бессмысленного труда и немекое разочарений.

Еще несомнью действую секунды, и все эти спорные моменты, и все эти моменты. И олять мысля эти не взбудоражит. Лишь остали на душе горечь.

Воздуху артефакт: «Хорош спелантас, целая жизнь будет зачеркнута. А им — достойное развлечениие».

Андрей размеренно натирал ладони магнелней. Очень долго, нарочно выигрываая время, в надежде еще найти опоры и бег в сторону.

Встал перед помостом. В темноте тамлся зая. Андрей вынул его по савану.

Взошел на помост. До штанги три неполных шага. Красный руж. Над ним желтый плакат, небольшая штанга. Маленькие щелочные по ногам. Заботливо свел их ногой. Расставил ступни под грифом.

Подуवाल тоскливо: «Нуеце!» Присмирел к грифу. Замер, собрался.

Подуवाल с отчаянием: «Вспомни, как побеждал раньше. Ну что было тогда в душе? Что? Чтот? Любя падания — побеждал. Любил себя, любил ныи — и побеждал».

Андрей свелтас в темноту за белым промониторным светом. И ему назалас. Он был бланзо от него. Протин руку...

Подуवाल тоскливо: «Онаказавшись, я — это я, только потому, что есть дог. Значит, действительно я снотина и трус».

Ну, проинув. Особенный я, что ли? Ерунда. Людия и не такое забывалось. А тут ничтожный человек — Андрей Великов нуеце!

Расслесил. Забавно им. А мне... мне — под «мелюзгой» Человечество! Игра в это, кто кого? Кто сильнее? Кто больше?

Весь этот двенадцатидетилетний подвиг постыден. Стала перед долгом такой подвиг. Все твои мядли — награда трусу!

За веди ты был знаменитым Андреем Великовым потому, что был страж перед долгом такой подвиг. Дюна не поздно, дюнаки, что ты не измотан. И все, что делалось, осваивало разумом. Дюнаки, что не страж перед долгом такой подвиг.

Дюнаки, что ты человек. Не старал, стерта нога. Что победил, победил, победил. Любя жизнь, и я принимаю ее такой — в терминах науки — в терминах любого каждого шага. Верю, потому что разумею.

Я буду первым. Не отступлю ни на шаг. Дюнаку, дюнаку, дюнаку, дюнаку.

Научись быть человеком, Андрей. Сильней научись. Великов светел в зал, и на губах у него расплзлась улыбка. Он уже знал: победа с ним. Он не мог не прислушаться к «мелюзге», но уже не мнялся в этом.

Штагга лежала под ногами. Он стоял над ней и, не стесняясь, говорил вслух с минимата: «Выжить!»

Зал исторически молчал. Равнодушно стреляли кинокамеры. В олимпийской гоним груди сердце. И руки машинально втирали магнелней...

Благодарности Андрей не выслушал. Он переместил свои ощущения. В голове, руж, спине, ногах была нетоперная тишесть. Одна большая дуная тишесть. На эта тишесть он чувствовал себя в нем. Поддавался ауре неохотной. И он с каждой секундой словно погружался в нее.

И еще помнил Андрей. Он по команде опустил штангу. В зале руж. Он отчаянно пытался сократить сознание, отчаянно пытался загнать первую возростренную мысль: «Со мной уже было так».

И памоту память проявила уже все подробности. И радостно-обожуденный путь в раздевалку. Вспоминались на огнищах ступени, ступени, ступени и ни о чем не тревожились. Что может быть хуже на свете: когда ты перестал думать.

И все в мире уже назалас гораздо проче, чем в минуту решающего похода. Мысли утратили выразительность. И все же.

— Ну вот я и вынужден, — сказал он тренеру. — Снова мой пример вынужден.

Андрей с изжиданием потнулся. Неужели он сомневался в успехе? Он знал, что такое дергать себя...

«СМЕНА»

Приглашаем любителей шахмат принять участие в малом олимпиадном конкурсе на лучшее решение шахматных задач.

Включаются в конкурс могут все илювионы, независимо от того, сильная ли это шахматистка или новичок. За правильное ответ на каждую задачу с указанием оснований, исчерпывающей содержимости композиции, вариантов участию конкурсу присуждается определенное количество очков. Такая же оценка дается в случае обнаружения нерешаемости или побочного решения. Победителя конкурса с одут награждены дипломами.

В целях облегчения работы жюри редакция просит присылать четкие, разборчатые ответы, используя общепринятую шахматную нотацию. Кроме фамилии, имени и отчества, не забудьте сообщить нам свой почтовый адрес, место работы или учебы, район по шахматам (если имеется). На конверте сделайте пометку: «Шахматы», «Шахматы», «Шахматы», «Шахматы». Запомните, что письма на наш конкурс могут отправлять не позднее 31 декабря с. г.

Задача 1-й

Белые начинают и дают мат в три хода (4 очка).

Задача 2-й

Белые начинают и дают мат в три хода (4 очка).

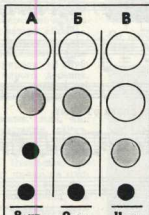

Задача 3-й

Кемим способом белые, начиная, быстрее всего (при любой, но не вынуждающей защите черных) могут заволадать центральными полями? (5 очков).

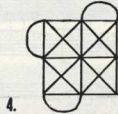
3. На представленной фигуре два сектора пусты. Какие цифры следует поставить в них?

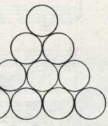
1. Определите, сколько весит каждый шар?

2. Разделите поле двадцатью прямыми линиями на 60 частей было по одной горошине.

4. Попробуйте нарисовать эту фигуру, не отрывая руки от бумаги и не проводя дважды одну и ту же линию.

5. ТРИ МОНЕТЫ
Десять монет уложено в треугольник вершиной вверх. Банки образом расположить этот же треугольник вершиной вниз, если при этом разрешается передвинуть лишь три монеты?

6. Найдите десять различий между этими рисунками.
Рисунки В. БЛАНМАННА

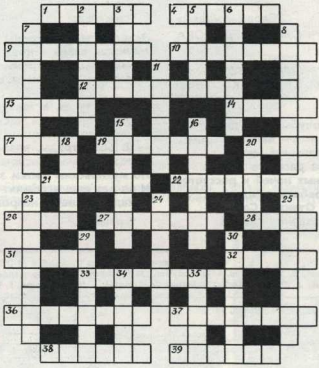
№ 1 скрывается под маской В — это легко обнаружить по длинному носу. № 2 — под маской А (самый маленький), № 4 — под маской Г (удлиненное лицо), № 3 — под маской Б.
4. Линии А и Б совершенно одинаковы.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ «СМЕНЫ» № 20.

1. Каждый ряд состоит из двух квадратичных фигур и третьей неквадратной. Следовательно, недостает лобка неквадратной.

К Р О С С В О Р Д

Составил В. БОРСОВ (г. Москва)

По горизонтали:
1. Поэма В. Маяковского.
4. Литературно-художественное произведение, изображающее исторические события.
6. Максимилианский эпизод, лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».
10. Историческое здание в Ленинграде.
12. Советский кинофильм.
13. Народная мифология в Хабаровском крае.
14. Птица, обитавшая в хвойных лесах.
15. Советский ученый-радиотехник, академик.
19. Знаменная колонна в Харькове на Украине, дважды Герой Социалистического Труда.
20. Столица арабского государства.
21. Героиня пьесы К. А. Тренера.
22. Советский поэт-баснописец.
26. Государство в Латинской Америке.
27. Один из героев романа М. Шолохова «Они сражались за Родину».
28. Роман З. Л. Войнина.
31. Специализированное хозяйство в совхозе, колхозе.
32. Порт в Крыму.
33. Аудиторинг, автор картины «Отдых после боя».
36. Цветок.
37. Наука о размерах и форме Земли.
38.

Советский писатель, автор повестей для детей.
39. Народная песня на слова И. Мезенского.
По вертикали:
2. Персонаж романа И. А. Гончарова «Обрыв».
3. Пьеса В. И. Вильямса.
5. Картина И. К. Рериха.
6. Временное переносное жилище.
7. Советский летчик-космонавт.
8. Поэт, лауреат Ленинской премии.
11. Серб, герой гражданской войны СССР.
15. Командир наледи-рыбского моруса, герой Великой Отечественной войны.
16. Молодогвардеец.
18. Фигура высшего пилотажа.
20. Несущая конструкция самолета.
23. Роман Я. Купчина.
24. Начало шахматной партии.
25. Герой романа Н. Островского.
29. Металл, входящий в специальный сорт стали.
30. Советский электромеханический институт, отмеченный золотой медалью на Всемирной выставке в Брюсселе.
34. Промысловая морская рыба.
35. Немецкий писатель, лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 20

По горизонтали:
1. Шугену. 4. Визма. 7. Жуков. 10. Олутгер. 11. «Кочубей». 12. Комуз. 15. Кошевая. 16. «Ленинцы». 17. «Комсомолец». 20. Ковчуга. 22. Воинугу. 24. Растр. 26. Автонов. 27. Яхонтов. 28. Саяны. 29. «Виталь». 30. Талпах.

По вертикали:
2. Кузнецов. 3. Лонге. 5. Збруч. 6. Метельца. 7. Жарный. 8. Космодемьянская. 9. Вокзал. 13. Автонов. 14. Глебина. 18. Кюветов. 19. Курсова. 21. Сервис. 22. Вурты. 23. София. 25. Ингул.

комплекс «Жемчужины». Скоро здесь поднимутся три круглогодичных спальных корпуса на 520 человек, а тут разместятся клуб, столовая, спортзал.

БОРОВОЕ МАТЮШИННО. Здесь, ниже Казани, могучая Волга разливается, как море, — почти на шесть километров. Веновая основной бор подступает к самому берегу. Прекрасный песчаный пляж. Великолепные виды заречья. Словом, на редкость удачное место выбрано для нового молодежного спортивно-оздоровительного лагеря «Волга». Лагерь построен с предельно бережливым отношением к природе: не рублено ни одного деревца. Асбестоцементные домики-жилища буквально утопают в зелени.

Двухэтажные, или, как их еще называют, двух-русские, домики — новинка. Вход в каждый ярус отдельный. Несколько домиков стоят прямо на пляже: на втором этаже — спальные помещения, на первом — навьючные для продажи прохладительных напитков, раздевалки.

По-своему уникальна архитектура общественного центра. Это купол из стекла и алюминия двенадцати метров в диаметре, объединяющий просторную столовую, кинозал, танцевальный зал и бар. Все помещения разделены условно — с помощью раздвижных перегородок.

В лесу, окружающем лагерь, в одной из ближних ложинок уютно расположился форум — место для соборов. По рельефу склона опускаются сиденья, а на дне вымощена танцевальная площадка.

Одна из отличительных особенностей лагеря — множество спортивных площадок и сооружений. Есть и свой стадион с вместительными трибунами.

В августовские дни нынешнего года лагерь «обновила» участница III Фестиваля дружбы советской и японской молодежи.

Более пятисот отдыхающих ежемесячно принимает «Волга». Лагерь действует круглый год.

Оказывается, это очень красиво — табургеты из старых пней, столы из каменных плит, цветочные вазы из коряг... («Волга»).

Рядом с жилыми помещениями расположен санитарно-гигиенический блок («Волга»).

По косогору рассыпались островерхие деревянные домики молодежного лагеря «Жемчужина».

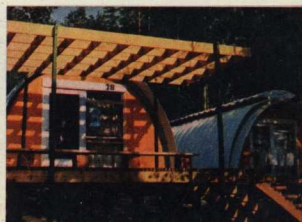

Из больших окон летней столовой открывается прекрасный вид на окрестности («Жемчужина»).

Эти комбинированные столы изготовлялись по специальному заказу («Волга»).

Самые маленькие асбестоцементные домики рассчитаны на четырех отдыхающих («Волга»).

ОБРАЗ ГЛУБОКИЙ, МНОГОГРАННЫЙ

В дни славного 50-летия Советской власти мы с особой теплотой и любовью обращаемся к памяти основателя нашей партии и государства. Любой эпизод из жизни Ильича — новый документ, позволяющий нам глубже познать его величие и человечность, наконец, неизвестные до сего времени изображения Ленина имеют для нас непреходящее значение.

Несомненно дороги нам портреты Ильича. Личность Ленина, его гений ученого, ум мыслителя, страстность трибуна, талант организатора, обаяние человека — все это вдохновляло и вдохновляет советских художников. И одно из первых мест среди них принадлежит, несомненно, скульптору Николаю Андреевичу Андрееву, творцу бесмертной Ленины.

Октябрьскую революцию Н. А. Андреев принял прямо и безоговорочно. И этому времени он был уже зрелым, сплотившимся мастером, автором целого ряда широко известных произведений, в том

числе и замечательного памятника Н. В. Гоголю. Но именно после революции талант Андреева раскрывается во всей его широте и многогранности. Андреев принимает самое деятельное участие в осуществлении ленинского плана монументальной пропаганды. В этот период он создает статую Свободы для обелиска в честь первой Советской Конституции, памятники А. М. Герцену и М. П. Огареву перед старым зданием Московского университета, памятники А. Н. Островскому у Малого театра и многим другим.

Желание работать над образом В. И. Ленина всегда охватывает Андреева буквально с первых же месяцев революции. Как известно, Ленин не любил да и не хотел специально позировать художникам. Поэтому Андреев бывал на всех публичных выступлениях Ленина — на митингах, собраниях, съездах, конгрессах. «Где бы ни выступал Владимир Ильич», — вспоминает скульптор Н. Томский, хорошо знавший Н. А. Андреева, —

Ленин-вождь.

В. И. Ленин.

среди присутствовавших неизменно появлялся коренастый бородатый человек, пристально разглядывавший Ленина и часто зарисовывавший на доске движение ленинской руки, улыбку, взгляд. Впервые Андрееву удалось зарисовать Ленина во время его выступления в Большом театре в 1918 году. Затем он рисует Ленина в 1919 году на заседании ВЦИК. А в мае 1920 года Андреев получает доступ в кабинет Ленина в Кремле, с единственным условием «не мешать работам». Единственным условием на этот раз является то, чтобы Ленин работал, позабыв о его скульпторе. Андреев же пристально наблюдает и набрасывает на бумагу ленинские черты. «Никакому другому художнику», — вспоминал Андреев, — было дано столь близко и долго изучать Владимира Ильича». Результатом этой поистине титанической работы являются несколько скульптурных портретов и около 300 рисунков. Все они послужили тем бесценным материалом, на основе которого была создана (главным образом уже после смерти Владимира Ильича) знаменитая Ленинина.

Широко известны скульптуры Андреева «Ленин за письменным столом», «Ленин за работой», «Ленин слушает доклад», «Ленин на заседании наркомов», «Ленин в кресле», «Ленин в шубе и шапке», «Ленин на трибуне», «Ленин-оратор» и, наконец, «Ленин-вождь». Хорошо знакомы нам и графические портреты В. И. Ленина работы Андреева, изумительные по своей законченности и мастерству исполнения. Недаром, увеличенные до гигантских размеров, они украшают в дни революционных празднеств улицы и площади наших городов.

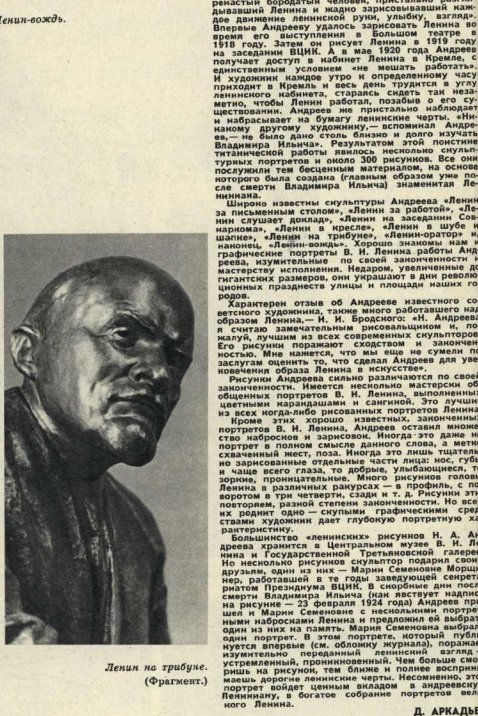
Характерен отзыв об Андрееве известного советского художника, также много работавшего над образом Ленина — И. И. Бродского: «Н. Андреева я считаю замечательным рисовальником и, пожалуй, лучшим из всех современных скульпторов. Его рисунки поражают скромством и замечательностью. Мне кажется, что мы еще не сумели по заслугам оценить то, что сделал Андреев для увековечения образа Ленина в искусстве».

Рисунки Андреева сильно различаются по своей законченности. Известны несомненно мастерски обобщенные портреты В. И. Ленина, выполненные цветными карандашами и сангиной. Это лучшие из всех когда-либо рисованных портретов Ленина.

Кроме этих хорошо известных, анонимных портретов В. И. Ленина, Андреев оставил множество набросков и зарисовок. Иногда это даже не портрет в полном смысле данного слова, метко схваченный жест, поза. Иногда это лишь тщательное зарисовывание отдельных частей лица: губ, бровей, пронзительные. Много рисунков головы Ленина в различных ракурсах — в профиль, поворотом в три четверти, сзади и т. д. Рисунки эти, как правило, разной степени законченности. Но все они соединяет одно — скульптурный графический язык, с помощью которого Андреев дает глубокую портретную характеристику.

Большинство «ленинских» рисунков Н. А. Андреева хранится в Центральном музее В. И. Ленина и Государственной Трибуновской галерее. Но несколько рисунков скульптор подарил своим друзьям, один из них — Марии Яковлевне Морозовой, работавшей в те годы заведующей секретариатом Президиума ВЦИК, сибирячку. Но все же самыми набросками Ленина и предложив ей выбрать один из них на память. Марии Яковлевне выбрал один из них на память. В этом портрете, который публикуется впервые (см. обложку журнала), поражают изумительно печальными ленинскими чертами устремленный, пронзительный. Чем больше смотришь на рисунок, тем ближе к нему, по-настоящему устремленным, пронзительным чертам. Несомненно, этот портрет войдет ценным вкладом в андреевскую Лениниаду, в богатое собрание портретов великого Ленина.

Д. АРКАДЬЕВ

Ленин на трибуне.
(Фрагмент.)